

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 394; 001.891.55
doi: 10.17223/2312461X/46/1

Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в.

Святослав Олегович Ковальский¹
Александр Сергеевич Басов²

^{1,2} *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*

¹ *sokovalsky@iea.ras.ru*

² *a.basov@iea.ras.ru*

Аннотация. В статье исследуются параметры полевой работы, проводившейся на Таймыре сотрудниками сектора Севера Института этнографии АН СССР. На основе анализа архивных материалов и публикаций реконструируются особенности таймырских экспедиций, включая их организационные рамки, сроки и географический охват. Конкретные связи полевых практик и текстов прослеживаются на примере работ В.И. Васильева. Авторы показывают, как краткосрочный и маршрутный характер большинства экспедиций зависел от теоретической структуры послевоенной советской этнографии, сочетавшей «анучинскую программу» естественной истории человека и марксистский историзм. Эта методологическая база определила фокус на изучении народов в целом (а не отдельных локальных групп), необходимость широкого географического охвата и комбинирование различных типов источников. Авторы демонстрируют отличие данного подхода от довоенной ленинградской этнографической школы с её установкой на длительное стационарное изучение.

Ключевые слова: советская этнография, полевая работа, Северная экспедиция Института этнографии, сектор Севера Института этнографии, В.И. Васильев, Таймыр, методология этнографических исследований, Д.Н. Анучин, историзм, коренные народы Севера

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328). Авторы выражают благодарность начальнику отдела архива ИЭА РАН В.В. Слисковой за помощь в подборе архивных дел; С.С. Алымову и И.В. Кузнецову за обсуждение черновика статьи; заведующей отделом Севера и Сибири ИЭА РАН Е.А. Пивневой, а также сотрудникам отдела Е.П. Батяновой и А.А. Сириной за поддержку наших начинаний в области истории этнографической науки; М.А. Мочаловой и А.А. Пушкину за совместную работу с таймырскими материалами, приведшими к обсуждаемым в статье вопросам; М.Г. Кучинскому и В.С. Михайловой за консультации по работе над картами.

Для цитирования: Ковальский С.О., Басов А.С. Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 6–58. doi: 10.17223/2312461X/46/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/1

The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th cent.

Sviatoslav O. Kovalskii¹, Aleksandr S. Basov²

*^{1, 2} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

¹ sokovalsky@jea.ras.ru

² a.basov@jea.ras.ru

Abstract. The article examines the organization of ethnographic fieldwork conducted in the Taimyr Peninsula by the researchers of the Department of the North of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. Drawing on the analysis of archival materials and publications, the features of Taimyr expeditions are reconstructed, including their institutional framework, terms and geographical coverage. Specific connections between field practices and texts are traced through the example of V.I. Vasiliev's works. The authors show how the short-term and itinerant nature of most expeditions and the theoretical structure of postwar Soviet ethnography, which combined the “Anuchin program” of human natural history and Marxist historicism, correspond. This methodological framework determined the focus on the study of peoples as a whole (rather than individual local groups), the need for broad geographical coverage, and the combination of different types of sources. The authors demonstrate the difference between this approach and the pre-war Leningrad ethnographic school with its emphasis on long-term stationary studies.

Keywords: Soviet ethnography, fieldwork, the Northern Expedition of the Institute of Ethnography, the Department of the North, V.I. Vasiliev, Taimyr Peninsula, methodology of ethnographic research, D.N. Anuchin, historicism, indigenous peoples of the North

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328). The authors express their gratitude to V.V. Sliskova, the head of the Archives Department at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, for assistance in selecting archival materials; to S.S. Alymov and I.V. Kuznetsov for discussing the draft article; to E.A. Pivneva, the head of the Department of the North at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, as well as to department staff members E.P. Batyanova and A.A. Sirina for supporting our initiatives in the history of ethnography; to M.A. Mochalova and A.A. Pushin for joint work with Taimyr materials that raised the questions discussed in the article; to M.G. Kuchinsky and V.S. Mikhailova for consultations on working with maps.

For citation: Kovalskii, S.O. & Basov. A.S. (2024) The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th cent. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 6–58. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/1

Введение

Пожалуй, каждому аспиранту, обучавшемуся по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» (думается, это справедливо и для новой номенклатуры 5.6.4), приходилось слышать на обсуждении тем диссертационных исследований вопрос о наличии полевого опыта и при скептическом отношении коллег к предложенной теме благожелательное напутствие «поле подскажет». Эта формула выражает установку на знакомство с «полем» как на ключевой критерий антропологической (в отечественной традиции – этнологической/этнографической) квалификации¹. За скобками при этом нередко остается общее понимание предмета знакомства, а также возможность и условия этого знакомства. Вместе с тем это вопросы не праздные. Идея поля – складывающийся в ходе профессиональной социализации набор неявных представлений о том, что может считаться приемлемым, «хорошим» этнографическим полем, – как показали А. Гупта и Дж. Фергюсон на примере американской и британской антропологии, будучи оставлена за рамками рефлексии, накладывает существенные ограничения на изучение целых регионов и тематических областей, сужая в том числе и методический репертуар науки (Гупта, Фергюсон 2013). При этом, продолжают они свою мысль, полноценное обсуждение вопросов настоящего и будущего дисциплины невозможно без такой рефлексии: во-первых, поле есть основной способ отличать антропологию от смежных наук и невозможно обсуждать границы и предмет дисциплины, не обсуждая существо полевой работы; во-вторых, такое обсуждение необходимо для снятия несоответствия «между проблемами, возникающими в подвижном, меняющемся и глобализирующемся мире, с одной стороны, и теми ресурсами, которые предоставляет метод, изначально разработанный для исследования предположительно небольших обществ – с другой» (5).

Можно указать на сходное положение дел с рефлексией идеи “поля” и в российской антропологии (ср.: Соколовский 2009, 2011). Вместе с тем, есть и лежащее на поверхности важное отличие: в то время как в англо-американской антропологии длительное локализованное поле перестает считаться само собой разумеющейся нормой и получает распространение так называемая полилокальная этнография (Marcus 1995), в постсоветской этнологии «полевая работа в общине или группе продолжительностью не менее годового цикла» (Тишков 1992: 10–11) провозглашается нормой, на которую следует ориентироваться. Последнее, по всей видимости, является продолжением позднесоветской реакции на прежние советские каноны этнографической науки (Elfimov 2012: 97–98).

Между тем установить, каковы были эти каноны – что считалось хорошо выполненной полевой работой и почему, – оказывается не так просто. Казалось бы, такое представление должен давать «Свод этнографических понятий и терминов» – своего рода энциклопедия советской этнографии. Однако из наиболее релевантной статьи – «Полевой этнографии» за авторством С.И. Вайнштейна (1988b) – можно понять, какое разнообразие действий можно совершать в поле, но нельзя понять, как нужно эти действия сочетать и в каком объеме. Помимо определения собственно полевой этнографии – «исследования, ведущиеся среди живых народов с целью сбора первоначальных этнографических данных об отдельных структурных компонентах традиционно-бытовой культуры и их функционировании как определенной системы» (Вайнштейн 1988b: 205), – в статье упоминаются непосредственное наблюдение, опрос, анкетирование, интервью, картографирование, вводятся понятия выборки, стационарных и экспедиционных исследований, провозглашается (но не объясняется) связь задач и методов полевой этнографии с общими принципами марксистской науки. При этом статья помещена в раздел «Методы», что можно рассматривать в качестве свидетельства того, что дискурс о «поле» в советской этнографии разворачивался в первую очередь в рамках дискуссий о методе.

Корпус советской методической литературы, однако, невелик. В библиографии трудов Института этнографии (ИЭ) Академии наук СССР за 1900–1962 гг. в соответствующем разделе (Библиография 1967: 27–28) насчитывается всего семь публикаций, посвященных методике полевой работы, из которых четыре – разные варианты двух текстов. Остальные представляют собой программы/вопросники или посвящены другим вопросам этнографической методологии. Вплоть до 1985 г. подавляющая часть методической литературы (по крайней мере, производимой ИЭ) была тематически ограниченной: типичная публикация называлась «К методике полевого изучения <название темы>» (см.: Библиография 2008; Библиография 2011). Наиболее общей оказалась дискуссия о методах полевого исследования «современности» и «традиционной культуры», состоявшаяся в 1985–1986 гг. на страницах «Советской этнографии» и добавившая к обсуждаемому корпусу две статьи и реплики к ним (Вайнштейн 1985, 1986; Обсуждение 1985а; Обсуждение 1985b; Шмелева 1985, 1986). Дискуссионный характер этих текстов не позволяет опираться на них как на программные или хотя бы обзорные.

Показательно, что за весь советский период было опубликовано всего два пособия по методам полевой работы (Arzyutov, Kan 2017: 62)². Ограниченность доступной методической литературы в советской этнографии, по всей видимости, компенсировалась неформальной передачей полевых знаний и умений. Так, участница дискуссии 1985 г. М.Н. Шмелева отмечала: «Накопленный многими поколениями этнографов большой

опыт ведения собирательской работы передается, к сожалению, главным образом “из рук в руки”, “из уст в уста”» (Шмелева 1986: 61). Об этом же пишут Д. Арзютов и С. Кан, ссылаясь на беседы с коллегами: «...подготовка к полю осуществлялась в виде устного общения внутри [научной] школы или же через участие в больших коллективных экспедициях» (Arzyutov, Kan 2017: 62).

Непосредственное обращение к советской этнографической литературе, которое будет здесь представлено, обнаружило, что при всей щедрости в описании сторон «народной» жизни этнографы весьма скупы в освещении собственной полевой жизни (ср.: Титорский 2010). В опубликованных текстах не сообщались сведения о методах полевой работы. Как правило, даже изложения ее параметров были ограничены весьма приблизительными сведениями о сроках и маршрутах. Указание конкретных дат было редкостью, а представление экспедиционных маршрутов зачастую сводилось к указанию административных (районов или советов) и хозяйственных единиц (колхозов, совхозов, промхозов). Иногда авторы и вовсе ограничивались лаконичным «поездка к <этноним>». Рассуждения о том, что делать и что делается в поле, публиковались в отрыве от результатов полевых исследований и представляли собой самостоятельный корпус текстов, упоминавшийся выше. Наконец, в исключительно редкой публикации к этнографии прилагался такой важный для советской научной школы исследовательский инструмент, как «программа» полевой работы³.

Одновременно с этим нет обобщающих историко-научных работ о полевых исследованиях в советской этнографии в целом. Существующая литература дает лишь фрагментарное представление, даже несмотря на наличие весьма обстоятельных исследований конкретных полевых работ (см., например: Алымов 2010, 2013), главным образом из-за своей разнородности: хронологической, географической и жанровой – от исследований полевой деятельности конкретного этнографа в раннесоветский период на Охотском побережье по архивным материалам до граничащих с публицистикой мемуарных очерков об участии в международных междисциплинарных полевых проектах 1980-х гг. в Закавказье (ср., например: Гурвич 1968 и Очерки экспедиционного быта... 2001). Можно сказать, что «поле» советской этнографии мало представлено не только в теории, но и на практике. Это касается и конкретного поля, которое интересовало нас: имеющаяся историко-научная литература дает некоторое представление лишь о той полевой этнографической работе на Таймыре, которая предшествовала второй половине XX в. (см.: Сулейманов 2012; Данилейко 2013; Хорина 2016; Саввинов 2017), в то время как большая часть экспедиций имела место в послевоенный период. Литература, посвященная советскому этнографическому североведению, скупа на сведения о конкретных послевоенных полевых исследованиях,

лишь в отдельных случаях характеризую их в общем виде (Гурвич 1990; Батьянова 2017), и скорее дает общий политический и интеллектуальный контекст (Schweitzer 2001; Слезкин 2008; Vitebsky, Alekseyev 2015; Funk 2018; Октябрьская, Романова 2020; Головнев, Данилова 2021; Пивнева 2022; Sirina 2023). Те же замечания справедливы в отношении биографической литературы (Васильев, Симченко 1964; Борис 1974; Вайнштейн 1992, 2002; Владимир 1994; Савоскул, Соколова 1995; Батьянова 1996; Симанкова 2003; Не любопытства ради, а познания для... 2011; Громыко 2015; Карлов 2017).

Столкнувшись в нашей профессиональной деятельности с этой ситуацией, мы решили создать соответствующее описание. На опубликованном и архивном материале мы предприняли попытку реконструировать полевую практику советских этнографов-таймыроведов, сфокусировав внимание на этнографических исследованиях сотрудников сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера / этнографии народов Крайнего Севера (далее – сектор Севера) московской части ИЭ⁴. Далее мы представим основные параметры таймырских полевых исследований сотрудников сектора Севера, а также на примере одного сотрудника – самодиста В.И. Васильева – методологические параметры работы в одном из северных «полей» советской этнографии. Затем мы обсудим полученные нами результаты в контексте исследовательского проекта, предложенного в упомянутой выше работе Гупты и Фергюсона, и выскажем некоторые предположения о том, почему параметры послевоенных этнографических экспедиций на Север были именно такими, исходя из теоретических особенностей советской этнографии.

Параметры таймырских экспедиций⁵

Прежде чем перейти к результатам исследования, кратко опишем его ход. Чтобы установить параметры таймырских экспедиций, мы осуществили: 1) поиск публикаций, содержащих сведения о конкретных полевых этнографических исследованиях, проводившихся на Таймыре (литература биографического, историко-научного и отчетного характера); 2) поиск публикаций этнографов-таймыроведов, основанных на материалах, собранных в ходе полевых этнографических исследований (научные статьи и монографии, посвященные непосредственно народам Таймыра или опирающиеся на собранные в регионе полевые материалы для обсуждения более общих научных проблем); 3) поиск архивного материала по полевым этнографическим исследованиям на Таймыре (официальная документация по организованным сектором Севера полевым исследованиям на Таймыре – отчеты отрядов экспедиций, отдельных со-

трудников или сектора в целом, а также полевые дневники и иногда программы полевой работы находятся в фондах Архива Российской академии наук (АРАН) и научного архива Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН)). Найденные материалы анализировались на предмет сроков, маршрутов, участников и других деталей полевой работы. Также мы пытались устанавливать связи между исследовательскими текстами и конкретными экспедициями.

Анализ публикаций и архивного материала позволил создать своего рода хронику полевого этнографического изучения Таймыра сектором Севера. Всего в советский период мы выявили примерно 28 экспедиций. Примерность подсчетов обусловлена размытостью, а в отдельных случаях неясностью организационных рамок. Формально большая часть (21) полевых исследований, для которых известны организационные рамки, была проведена в ходе многолетней экспедиции – так называемой Северной⁶. На практике полевые работы отрядов и групп, проводимые в разные годы, представляли собой самостоятельные экспедиции. Вместе с тем есть пример формально обособленных, но фактически взаимоувязанных экспедиций, которые можно рассматривать как одно полевое исследование: речь идет о работах Таймырского отряда Северной экспедиции (Б.О. Долгих, Л.А. Файнберг и Т.Б. Долгих) и Енисейского отряда Комплексной экспедиции (В.А. Туголуков, В.И. Васильев, художник Ю.Б. Иванов) в 1959 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 47–48; Д. 40. Л. 192, 207; Ф. 47. Оп. 5. Д. 1753; см. также: Васильев, Туголуков 1960). С другой стороны, в некоторые годы имели место и, по сути, независимые друг от друга экспедиции в рамках одного отряда, например, поездки В.И. Васильева и Ю.Б. Стракача в 1960 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 47. Л. 25, 30; Васильев 1962: 67); Ю.Б. Симченко, И.М. Золотаревой, а также В.И. Васильева в 1961 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 10, 43); В.В. Лебедева, С.В. Сучкова, а также М.М. Бронштейна в 1986 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 177. Л. 19; Д. 183. Л. 1). Впрочем, не всегда удавалось твердо установить организационные рамки (например, экспедиция Б.О. Долгих 1961 г.), а в одном случае экспедиция, по всей видимости, носила неформальный характер – исследование Ю.Б. Симченко и А.И. Мухлинова в 1968 г., выполненное «сверх плана» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 828. Л. 34). Другой сложный случай – экспедиция 1963 г. с участием В.И. Васильева, Ю.Б. Симченко, и кинооператора Э.Л. Тимлина (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 257. Л. 5, 31, 43), проводившаяся, с одной стороны, по заданию Комиссии по проблемам Севера⁷, Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР и Группы Севера при Совете министров РСФСР⁸, с другой – в рамках Таймырской группы Северной экспедиции⁹. В наших подсчетах количества экспедиций мы учитывали как формально, так и фактически само-

стоятельные полевые работы. Есть вероятность, что не все имевшие место экспедиции сотрудников сектора Севера нашли отражение в проанализированных источниках. На такие мысли нас натолкнула дополнительная работа с личным фондом Б.О. Долгих¹⁰.

Далеко не для всех экспедиций нам удалось установить точные датировки сроков, а для нескольких не удалось установить их вовсе (это касается поездок с участием Ю.Б. Симченко 1964–1965, 1968, 1974 гг.). Тем не менее имеющиеся данные (содержащие иногда названия месяцев, но не точные их числа: «апрель–июль», а иногда и просто указание количества месяцев без их названий: «2 мес.») позволяют судить о предельной, пусть в некоторых случаях и приблизительной, продолжительности полевых исследований (рис. 1).

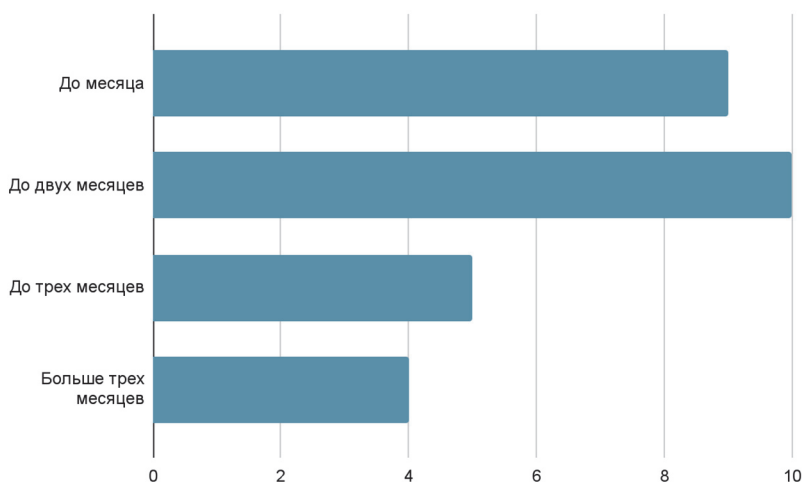

Рис. 1. Продолжительность экспедиций

Учитывая описанные выше ограничения, мы можем утверждать с пометкой «не более чем», что средний срок в поле составлял 63 дня, а медианный – 47 дней. Самая продолжительная экспедиция длилась около семи месяцев – поездка Ю.Б. Симченко в 1961 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 43; Любовец, Симченко 1968: 208–218); самая короткая, проведенная в 1977 г. В.И. Васильевым, художником В.А. Масленниковым и тогда студентом-практикантом А.В. Головневым, – 21 день (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 122. Л. 155–170; Васильев 1979с). При этом к середине 1960-х гг. заметен спад длительности пребывания в поле, после которого она лишь дважды превышала двухмесячный срок – в 1980-е гг. (рис. 2).

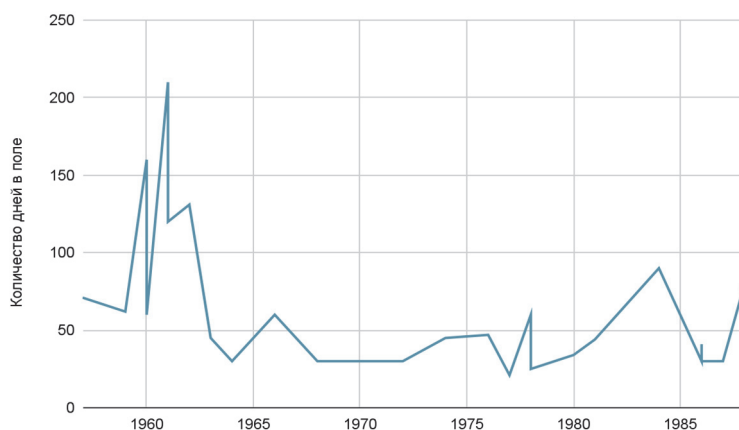

Рис. 2. Динамика продолжительности полевой работы

Сезонность экспедиций, для которых удалось установить сроки, представлена на рис. 3. Из нее видно, что сотрудники Сектора практически не вели полевых работ календарной зимой¹¹ и большая часть экспедиционного времени приходилась на летние месяцы. При этом, однако, стоит учитывать, что климатическая зима на Таймыре длится больше шести месяцев, и октябрь, ноябрь, март, апрель и даже май – это, по сути, зимние месяцы (см.: Средняя Сибирь 1964: 99–104). Более значимым для характеристики рассматриваемой здесь полевой этнографии скорее является то, что сотрудники Сектора, по всей видимости, не заставляли полярной ночи (декабрь – первую половину января) и, соответственно, не наблюдали непосредственно общественной жизни в этот период.

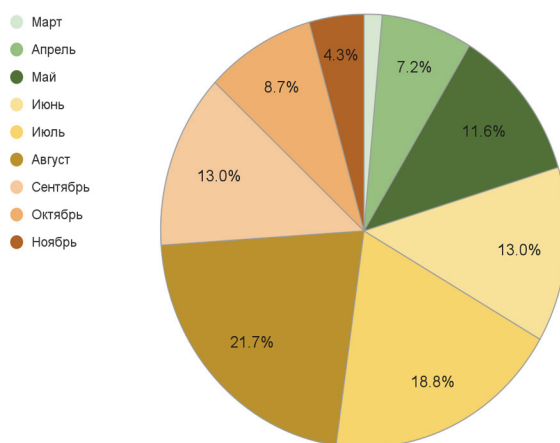

Рис. 3. Сезонность экспедиций

Если пытаться охарактеризовать полевые работы с точки зрения их организации и проведения (см.: Громов 1966: 11–14), то во всех случаях они были экспедиционными, причем, как правило, кратковременными – «от нескольких недель до нескольких месяцев» (12). Лишь отдельные полевые исследования можно назвать долговременными или стационарными экспедициями (например, поездки В.И. Васильева к энцам и поездки Ю.Б. Симченко к авамским и таймырским нганасанам в первой половине 1960-х гг.). По методу сбора полевых этнографических материалов большая часть экспедиций, по всей видимости, представляла собой маршрутные обследования, в некоторых случаях с элементами кустового. К сожалению, проанализированные источники позволяют лишь в отдельных случаях восстановить точные маршруты этих обследований (это касается более ранних экспедиций – 1957 и 1959 гг.). В остальных случаях в нашем распоряжении имеются сведения по посещенным населенным пунктам, районам и/или группам, но не последовательность этих посещений, поэтому далее для характеристики пространственных параметров изучения таймырского «поля» мы будем оперировать единицей «выезд», т.е. посещением отдельного населенного пункта или хозяйства в рамках экспедиции.

Карта на рис. 4 иллюстрирует территориальное распределение исследований сотрудников сектора Севера на Таймыре. На карте отмечены населенные пункты и хозяйственные организации (колхозы, совхозы, госпромхоз)¹², которые посещали в рамках экспедиций сотрудники ИЭ. Их границы дают приблизительное представление об ареалах кочевания людей, связанных с теми или иными поселками.

Также на карте отмечены границы районов Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа в составе РСФСР по состоянию на 1988 г. и границы расформированного в 1964 г. Авамского района, большая часть которого была в итоге отнесена к Дудинскому району. Несмотря на изменения в названиях административно-территориальных единиц, современные их границы приблизительно соответствуют указанным на карте (рис. 4).

Хотя в целом исследования охватывают всю территорию полуострова (Диксонский район, сейчас городское поселение Диксон, мы не принимаем во внимание, поскольку, не будучи территорией расселения коренных народов Таймыра, он почти не интересовал советских этнографов), наиболее «исследованным» является Дудинский район – всего 49 выездов, в то время как в Хатангский совершено 28, в Усть-Енисейский – 23.

В Дудинском районе (сейчас – городское поселение Дудинка) экспедиции чаще всего затрагивали нганасанские, но также и долганские территории центрального Таймыра, связанные с поселками Усть-Авам и Волочанка. Также исследователей интересовали нганасанско-долганские хозяйства, связанные с поселком Новая Хатангского района (сейчас – сельское поселение Хатанга). В этом же районе чаще всего выезды

совершались в Хатангу (ключевой для района транспортный пункт) и долганский поселок Новорыбная.

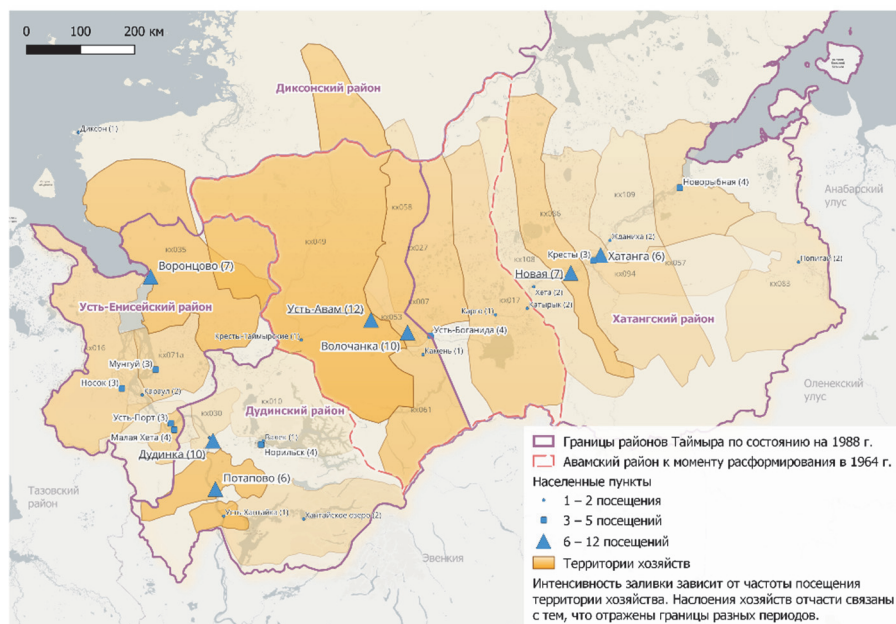

Рис. 4. Экспедиции сотрудников сектора Севера ИЭ АН СССР на Таймыр

Интерес к приенисейским энецко-ненецким территориям сосредоточился на Потапово в Дудинском районе и поселках Воронцово и Малая Хета Усть-Енисейского района (сейчас – сельское поселение Караул).

Отдельно можно отметить Норильск, который московские этнографы посещали четырежды – в 1960, 1962, 1976, 1988 гг. Судя по сохранившимся отчетам, в Норильске исследователей интересовал НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, связанный с Потаповским опытно-производственным хозяйством, а также агрегировавший данные по экономике хозяйств Таймырского национального округа.

Наиболее регулярными участниками (3 и более раз) таймырских экспедиций были этнографы: Б.О. Долгих, В.И. Васильев, Ю.Б. Симченко, В.В. Лебедев, М.М. Бронштейн; хотя бы 2 раза в таймырских экспедициях в рассматриваемый период участвовали также Л.А. Файнберг, М.Я. Жорницкая, А.В. Головнев, Е.А. Оборотова. Сопоставляя данные поездок «регулярных» исследователей Таймыра, можно заметить, что сочетание повторных поездок в регион и маршрутного метода давало в результате полный «охват» исследуемого народа или, во всяком случае, стремилось к такой полноте приблизиться. Так, В.И. Васильев за 43 вы-

езда в 11 таймырских экспедициях практически полностью охватил места проживания ненцев и полностью – энцев; Ю.Б. Симченко за 26 выездов в 10 экспедициях охватил всех нганасан; В.В. Лебедев и М.М. Бронштейн, совершив 20 выездов в 7 экспедициях, охватили 10 из 12 поселков долган. При этом этнографы нередко возвращались в одни и те же места: Ю.Б. Симченко 9 раз посещал Усть-Авам и 7 раз – Волочанку между 1961 и 1976 гг.; В.И. Васильев 6 раз возвращался в Потапово и 5 раз – в Воронцово между 1959 и 1979 гг.; В.В. Лебедев по 3 раза приезжал в Новую и Новорыбную в 1980-е гг.

Далее мы рассмотрим работу одного исследователя, чтобы охарактеризовать методологические параметры поля. Из всех участников таймырских экспедиций, более всего данных о конкретном содержании полевой работы имеется о В.И. Васильеве – как в опубликованных источниках, так и в обнаруженных нами архивных. В.И. Васильев – крупнейший специалист по самодийским народам (прежде всего, по ненцам, энцам, селькупам), написал более 150 научных работ (Владимир 1994: 157), в том числе монографию «Проблемы формирования северосамодийских народностей» (Васильев 1979b), защищенную им в качестве докторской диссертации, большие главы о самодийских народах в коллективных монографиях «Общественный строй у народов Северной Сибири» (Общественный 1970: 174–206), «Этногенез народов Севера» (Этногенез 1980: 41–67), «Этническая история народов Севера» (Васильев 1982), «Народы Советского Севера (1960–1980 гг.)» (Народы 1991). Справедливо утверждается, что «[в] основе всех работ Владимира Ивановича лежит добротный, уникальный как полевой, так и архивный материал» (Владимир 1994: 157).

Всего по архивным и опубликованным данным нам известно об 11 экспедициях Васильева на Таймыр. Совокупное время пребывания на Таймыре в рамках этих экспедиций равняется приблизительно 600 дням, более 500 из которых пришлось на 1959–1966 гг. Наиболее продолжительными были экспедиции 1961 (апрель–июль) и 1962 (апрель–август) гг. Наибольшее внимание в своей экспедиционной деятельности на Таймыре Васильев уделял приенисейским колхозам, связанным с поселками Воронцово, Потапово, Малая Хета, Мунгуй, Носок, которые являются местами расселения ненцев и энцев (рис. 5).

Возвращаясь к публикациям, следует указать, что некоторым исключением, сообщаящим сведения о полевой работе, является публикация «Проблемы формирования северосамодийских народностей» (Васильев 1979b). Во введении, опубликованном также в виде статьи в журнале «Советская этнография», Васильев пишет о значимости этнографических данных для рассматриваемых в работе проблем и достаточно подробно описывает методику этнографического опроса, ориентированную на сбор полевых данных, необходимых для реконструкции этнической истории¹³ (Васильев 1979b: 23–26).

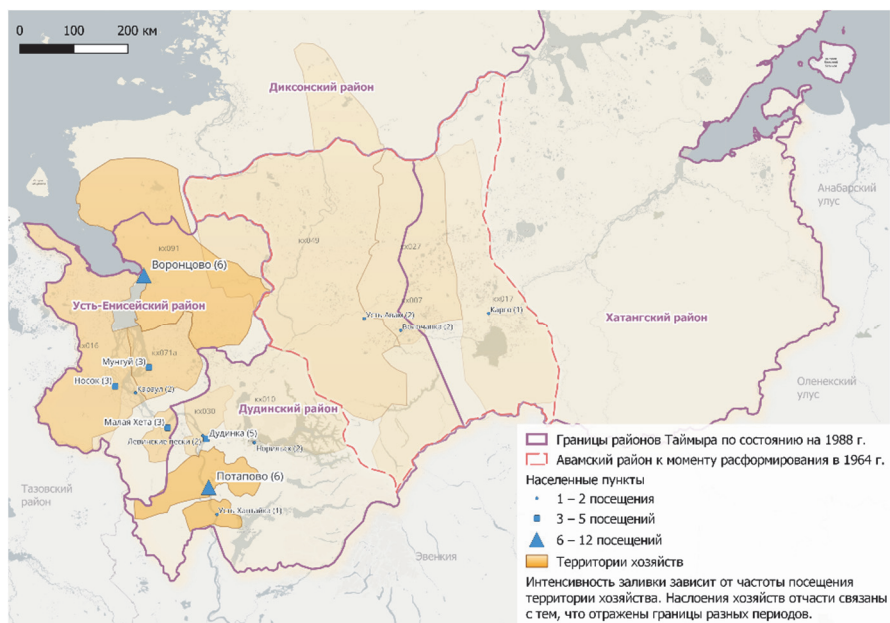

Рис. 5. Экспедиции В.И. Васильева на Таймыр

Суть описываемой Васильевым методики состоит в составлении семейно-кустовых генеалогических схем, которые в ходе работы с информаторами дополняются и уточняются. Исходя из предложенного текста описания, можно предположить, что, по крайней мере, часть его собственной полевой работы включала следующие действия. До выезда проводилось выделение этнических групп в составе исследуемого народа, при этом учитывались диалект или говор, родовой состав, территориальная обособленность, специфика материальной культуры или каких-либо ее элементов и т.д. Затем в окружном или районном центре уточнялось расселение представителей каждой этнической группы, границы ее территории, их соответствие или несоответствие современному административному делению (в разрезе сельских и поселковых советов). Проводилась работа с актами о заключении брака, хранившимися в архивах райзагсов, горзагсов или окрзагсов, как правило, за период с 1920–1921 гг. до года исследования – выписывались сведения о браках представителей изучаемой народности, также собирались сведения о рождениях, браках и смертях из церковных метрических книг, если таковые имелись; на основании собранных сведений составлялись предварительные генеалогические схемы. При работе с информаторами проводился опрос представителей каждой из семейно-родственных единиц, включенных в упомянутые схемы; опрос предполагалось начинать со стар-

шего из ныне живущих представителей. Всего по каждой семейно-родственной единице опрашивались, как правило, два-три человека (как по мужской, так и по женской линиям); опрашиваемому задавались вопросы (как о нем, так и о его родственниках): о родовой принадлежности, месте рождения, переездах, знании языков – родного и языков представителей других этнических групп (Васильев 1979b: 24).

На основании данных, собранных путем опроса, корректировались и дополнялись схемы семейно-родственных единиц. В результате использования такой методики, по мнению Васильева, можно реконструировать семейный состав исследуемого народа и установить картину его расселения на протяжении 75–100 лет, зафиксировать межродовые, внешне-территориальные и межэтнические контакты, оценить некоторые языковые процессы и процессы урбанизации (Васильев 1979b: 24).

В целом, этническая история и этногенез – одна из ключевых тем в исследованиях В.И. Васильева. Второй по значимости темой является этническое «настоящее», описание современного положения и социалистического строительства у изучаемых народов (например, этой теме посвящены публикации: Васильев, Туголуков 1960; Васильев 1963, 1968, 1970, 1979a, 1985, 2006; Васильев, Симченко 1963, 2006, 1971). О том, какие данные и каким образом собирались в рамках этой темы, в опубликованных работах в основном не осваивается. Мы можем дополнить доступные сведения о методологии работы Васильева, используя архивные материалы. Из отчетов экспедиций, проходивших при участии В.И. Васильева (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39, 40, 47, 53, 59, 117, 122, 133, 177), можно заключить, что, помимо описанного, его деятельность в поле включала также работу с отчетами колхозов; опросы колхозников, в том числе председателей и счетоводов; беседы с представителями различных партийных и хозяйственных органов, включая руководителей работников края и округа; наблюдения за хозяйственной и промысловой деятельностью в колхозных бригадах, за общественной жизнью в поселках, за бытом в домах, балках¹⁴, чумах, за работой интернатов, школ, учреждений здравоохранения и культуры; участие в отдельных элементах промысловой деятельности, в перекочевках; сбор сведений в архивах разных уровней; обработку сведений похозяйственных книг, сбор статистических данных по демографии, образованию, здравоохранению, работе учреждений культуры; сбор семейных, генеалогических преданий, запись образцов фольклора.

Следует отметить, что все рассматриваемые нами таймырские экспедиции на формальном уровне практически всегда проводились с целью исследования, по крайней мере, одной из охарактеризованных методологически на примере Васильева тем: этнического прошлого («этническая история», «этногенез») или этнического настоящего («современное

положение», «современный быт, хозяйство и культура», «преобразование культуры и быта», «реконструкция быта и культуры», «современные этнические процессы»), что соответствует общей характеристике московского североведения в работе Е.А. Пивневой (2021: 785–786). Иногда они дополнялись индивидуальными темами исследователей – например, «Роль производственных традиций в социалистическом строительстве у народов Енисейского Севера» у Ю.Б. Стракача, «Сравнительное изучение народного хореографического искусства коренного населения Сибири» у М.Я. Жорницкой, «Этническое развитие и проблемы формирования обособленных популяций Северной Евразии» у Ю.Б. Симченко.

Связь полевой работы с общими теоретическими установками послевоенной советской этнографии

Предложенная выше реконструкция дает представление о том, какой была северная полевая работа во второй половине XX в. в рамках Северной экспедиции ИЭ (ср.: Гурвич 1990; Батьянова 2017). Собственно, последняя и была основной организационной рамкой проводимых Сектором полевых исследований. Длительность экспедиций крайне редко превышала полгода, в среднем же они продолжались около двух месяцев и носили маршрутный характер. Тематически большая часть экспедиций была посвящена исследованиям этнического настоящего (этнографии современности) и этнического прошлого (исторической этнографии). Часть этнографов ездили на Таймыр достаточно регулярно, стремясь, как правило, охватить ареал определенной этнической группы – лучше всего охвачены более малочисленные энцы и нганасаны, несколько хуже – тундровые ненцы и более восточные группы долган, всего две поездки были совершены к эвенкам В.А. Туголуковым в 1959 и 1960 гг. В территориальном отношении на Таймыре наиболее исследованной является центральная часть (Дудинский район, включающий также авамскую и волочанскую тундры), хотя экспедиции также совершались и в западную (Усть-Енисейский район, сегодня – территория сельского поселения Караул), и в восточную (Хатангский район) части. Большинство населенных пунктов этих территорий посещалось неоднократно, причем часто выезды совершались одними и теми же этнографами. В рамках экспедиций практиковались в равной степени как совместные выезды, так и самостоятельные; нередко участниками помимо этнографов были физические антропологи, кинооператоры, фотографы, художники; к работе в экспедициях (особенно в более поздний период) привлекались аспиранты и студенты.

Теперь, когда мы описали параметры полевой работы, можем предложить некоторые объяснения этим параметрам. В своей работе с англо-американской антропологией А. Гупта и Дж. Фергюсон обращаются к

исследованиям историков антропологии, чтобы сконструировать идею поля исходя из истории формирования дисциплины (Гупта, Фергюсон 2013: 7–11). Они прослеживают становление антропологии как полевой науки в конце XIX – первой трети XX в. в контексте общей трансформации полевых наук, обращают внимание на теоретические предпосылки полевого метода в проекте естественной истории, который предполагает детальное изучение ограниченной территории. На пересечении этой естественно-исторической логики и специфики предмета антропологии складывается основная, как кажется авторам, черта антропологического поля – опространствливание культурных различий, предположение, что положение в географическом пространстве определяет культурную специфику. Это делает антропологию регионально-специализированной наукой: исследование тех или иных культурных особенностей предполагает путешествие в соответствующие географические местности, охват определенного пространства, исследование процессов внутри этого пространства. Отсюда следует набор основных факторов, которые определяют конкретные антропологические поля: интеллектуальные дебаты определяют «теоретическое» членение мира на культурные области через группировку культурных (национальных, этнических, религиозных, языковых, расовых) черт; институциональный контекст того или иного исследователя – финансовые и политические возможности организации поездки на определенную территорию; наконец, институциональный контекст самого «поля» – возможности и условия доступа исследователя (например, пересечение национальных границ, разрешение местных властей).

Итак, А. Гупта и Дж. Фергюсон призывают обращать внимание на теоретические и институциональные факторы, поскольку они определяют идею поля. Последняя, в свою очередь, должна коррелировать с конкретными параметрами полевой работы, объяснение которых нас интересует в данной статье. Сходным образом С.С. Алымов различает культурные и политические факторы, с одной стороны, и аналитический инструментарий исследователя – с другой, которые совокупно определяют «методы, процессы и результаты этнографического поля» (Алымов 2013: 69). Далее мы предложим объяснение описанных выше параметров полевой работы исходя из теоретических факторов. В имеющихся историографических работах данных для анализа институциональных факторов, особенно связанных с условиями и контекстами финансирования полевых этнографических работ, недостаточно – эта область требует дополнительного исследования.

Рассматривая проект послевоенной советской этнографии, как он реализовывался в московской части ИЭ (и даже конкретно в таймырских экспедициях сотрудников Сектора), мы считаем наиболее эвристически

полезным обратить внимание на два «слоя», обнаруживаемых в теоретической структуре этого проекта: «анучинскую программу» естественной истории человека и марксизацию этнографии, связанную с внедрением историзма и ориентацией на специфические исследования современности. Тесно сплетенные, синтезированные в фигуре Сергея Павловича Толстова, заложенные им в подходы и направления работы ИЭ и советской этнографии в целом, именно они, как нам кажется, существенно определяли полевые практики этнографов Сектора.

Истоки послевоенной советской этнографии

Послевоенная советская этнография может быть возведена в ряде своих положений к программе естественной истории человека, предложенной Д.Н. Анучиным – отцом-основателем московской этнографической школы и отечественной этнографии в целом (Штернберг 1926: 7)¹⁵. Эта программа была изложена им в ряде установочных текстов (подробный разбор этих текстов см.: Алымов 2004). Ее цель – проследить развитие и «разветвление» человечества и установить условия этих процессов. Она предполагала синтез по меньшей мере трех наук – физической антропологии, археологии и этнографии – так называемую анучинскую триаду. Этнографии в этой триаде отводилось решение двух задач: 1) монографического исследования народов – всестороннего описания отдельно взятого народа; 2) аналитического исследования фактов народной жизни – сравнительно-исторического анализа происхождения разных элементов культуры (Анучин 2019).

Пожалуй, главным связующим звеном между анучинской программой и проектом советской этнографии выступает С.П. Толстов (Алымов 2019: 7–8). С одной стороны, он был представителем условно третьего поколения московских этнографов – учеником учеников Анучина: Б.С. Жукова, Б.А. Куфтина, В.В. Бунака (Рапопорт, Семенов 2004: 187). С другой стороны, ему принадлежит исключительная роль в организации этнографической науки во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период (Алымов 2009). В 1942 г. его назначили директором базировавшегося до того в Ленинграде Института этнографии АН СССР, сотрудники которого были разбросаны между фронтом, блокадой и эвакуацией. Одновременно была учреждена московская часть института. В этих обстоятельствах директорство состояло не столько в руководстве научным коллективом, сколько в его организации. По сути, Толстов единолично создал московскую часть института, объединив в рамках одной организации значительную часть московских этнографов (Рапопорт, Семенов 2004: 196–197). В свете последующего перемещения административного центра института в Москву можно говорить о его

пересборке вокруг людей, так или иначе усвоивших анучинскую программу (помимо Толстова это С.А. Токарев, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров и др.).

Именно С.П. Толстов в первый послевоенный год провозгласил оформление «советской школы этнографии» (1946: 8). Хотя в перестройку единство этой школы будет поставлено под сомнение (Вайнштейн, Крюков 1988: 114), современные исследователи склонны все же говорить о ней как о централизованной, причем, в такой степени, что «интересы директора [ИЭ]... превращались в общую исследовательскую программу» (Соколовский 2008: 40). Показательно, что для самого Толстова программными были установки именно Анучина: «Меня... нередко называют историком, археологом, востоковедом и в последнюю очередь этнографом. На деле я именно этнограф... старающийся продолжать развитие анучинского направления в нашей увлекательной, исключительно перспективной науке» (цит. по: Лобачева 1957: 166; см. также Толстов 1947а: 21; Жданко 1997: 70). В этой перспективе советская этнография, по крайней мере «толстовского» периода, предстает в качестве проекта по реализации анучинской программы, пусть и в модифицированном виде.

Сектор Севера был связан с этим проектом сразу на двух уровнях: институционально – будучи организованным именно в московской части и, таким образом, приближенным к его центру, и через личность своего организатора и первого руководителя – Бориса Осиповича Долгих. Последний был из числа тех этнографов, которых Толстов собрал в московскую часть института. Толстова и Долгих связывали особые отношения, не только профессиональные, но и личной взаимопомощи (подробнее см.: Вайнштейн 1992: 123–124). Вместе с тем Долгих, который был на тот момент не вполне московским этнографом¹⁶, имел собственные, независимые от Толстова, связи с московской этнографической школой, будучи сначала вольнослушателем Института антропологии МГУ, а затем некоторое время студентом этнологического факультета МГУ (Вайнштейн 1992: 119, 121). В аспирантуре ИЭ он был секретарем полуофициальной «группы Севера», возглавлявшейся М.Г. Левиным – другим видным представителем московской этнографической школы и заместителем Толстова (Батьянова 2017: 13–14; подробнее о Левине см.: Алексеева, Арутюнов 2004). Можно привести и другие примеры контактов Долгих с людьми, так или иначе испытывших влияние анучинской программы (см., например: Васильев 1976: 145; Решетов 2004; Савоскул 2009: 111–112).

В свете показанных здесь связей между анучинской программой и сектором Севера ключевые параметры таймырских экспедиций – краткосрочность и маршрутность – предстают хотя бы отчасти производными от первой. Ее выполнение предполагало осуществление полевых выездов «по крайней мере на несколько месяцев» (Анучин 2019: 22), что

заметно контрастирует с известными стандартами «этнографического года» ленинградской этнографической школы (От классиков 2014: 258). Если Штернберг и Богораз требовали погружения в изучаемую действительность (263), то московские этнографы стремились в первую очередь к ее охвату. Отличались и сами изучаемые действительности: для первых это были локальные группы, для вторых – народы на всей территории их расселения. Показательно в этом отношении выступление Толстова на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. в рамках дискуссии о полевой работе (302–304, 330–331). В нем будущий директор, а тогда еще студент Московского университета в пику Богоразу отстаивает «полевую школу Анучина» (448): «...нельзя ограничиваться изучением отдельных групп того же чукотского или финского народов. Необходимо брать большой маршрут и пересекать территорию, на которой обитает этот народ, это племя, изучать ту конфигурацию, которая имеет место в смежных районах, изучать взаимоотношения этнических групп, то есть то, что называется аккультурацией, и т.д.» (303). Далее, ссылаясь на собственный опыт, он дает характеристику полевой работы, вполне подходящую для большей части описанных нами таймырских экспедиций: «Я исключительно работаю в кратковременных экспедициях, и тем не менее никто из присутствующих, кому знакомы мои работы, не скажет, что они лишены научного значения. Я работал по месяцу, по два и по три, больше не приходилось. Но я из года в год продолжал работать в отдельных, связанных между собой районах, хозяйственно близких между собой. И этот экспедиционный, кратковременный метод оказался наиболее продуктивным» (303).

Описанный спор находится в череде событий «марксизации» советской этнографии. Историография этого вопроса обширна (см., например: Алымов 2006: 27, 29–35, 71–91, 131–162; Алымов 2007: 129–131, 138–140; Алымов 2009; Слезкин 2008: 285–294, 350–351; От классиков 2014; Соловей 2022: 373–438). С точки зрения интересующих нас вопросов наиболее важным теоретическим результатом марксизации является внедрение в проект советской этнографии историзма, т.е. ориентации на реализацию марксистской программы исторического материализма: «...общая линия развития советской этнографии – линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании» (Толстов 1947b: 14; ср. для «бромлеевского периода»: Вайнштейн, Крюков 1988: 114).

Историзм советской этнографии

Кратко суть «историзированной» этнографии можно передать так. Исследуя культуру народа, советский этнограф вскрывает в ней «напла-

ствования различных периодов исторического развития народа... отображения всей сложности его прошлых исторических судеб» (Толстов 1947b: 15). Другими словами, прошлое народа не только сформировало его настоящее, но и представлено в нем – рассматривая, анализируя настоящее, в нем можно (и нужно) видеть работу прошлого, его следы: «...[б]ез внесения последовательного историзма в нашу науку очень трудно правильно оценить то, что мы наблюдаем как полевые этнографы, и то, что мы хотим реконструировать по этим нашим материалам, т.е. то, что было на Севере еще сравнительно недавно» (Долгих 1964: 87). Настоящее и прошлое представляют собой многообразие исторических обстоятельств и соответствующих социальных форм, но этнограф видит в этом многообразии проявление «единых законов прогрессивного исторического развития общества, более сложных, но столь же непреложных, как законы развития природы» (Толстов 1947b: 16). Цель этнографического исследования – раскрытие еще неизвестных сторон «единых законов». В применении к Северу: «...[н]а основе систематизированных, проанализированных и обобщенных фактов наши науки делают выводы о прошлых судьбах человечества, о закономерностях его развития на северной окраине эйкумены» (Долгих 1964: 89). Инструментом, как говорит Толстов, «ключом» к пониманию пестрых процессов, составляющих конкретную культуру, является знание уже раскрытых марксистско-ленинским учением законов.

С.П. Толстову важно было подчеркнуть, что марксистско-ленинские законы истории – это законы прогрессивного развития, т.е. одни общественные формы более развиты, чем другие, и этнограф может (и должен) не только соотносить явления по линии предшествования–следования, но также по линии ценностной, линии отсталого–прогрессивного, негативного–позитивного: «...советский этнограф в общественном укладе и культуре каждого народа видит сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и нового, прогрессивного, рассматривает ее в развитии, в движении. В этом сущность историзма советской этнографии» (Толстов 1947b: 19). Характерно, что эти положения Толстов высказывает, объясняя связь теоретического развития советской этнографии и ее прикладных задач помощи советскому государству и партии «в деле строительства нового, социалистического общества, подъема всех, в том числе недавно самых отсталых народов СССР, на новый, высший этап развития» (19). Историзированная этнография, таким образом, непосредственно – на уровне теоретического ядра – содержит требование практической, прикладной ориентации науки. Вот как это выражает Б.О. Долгих, объясняя на международном конгрессе задачи северной этнографии: «...как отряд интеллигенции, близко соприкасающийся с повседневной жизнью и нуждами ко-

ренных обитателей Севера и обладая специальными знаниями о прошлом и настоящем этих народов, этнографы могут сделать многое для того, чтобы народы Арктики и Субарктики вместе со всем человечеством еще быстрее двигались по пути прогресса» (Долгих 1964: 89).

Подытожим: культура народа существует в развитии; прошлое формирует настоящее и проявляется в нем; исторические процессы происходят закономерно; история прогрессивна, движется от худшего к лучшему; советский этнограф, исследуя настоящее, не только реконструирует прошлое народов, но и помогает их будущему. Далее, как мы уже видели на примерах тем таймырских экспедиций, в самом общем виде можно разделить советскую этнографию на «этнографию прошлого» и этнографию современности (ср.: Вайнштейн 1987: 79). Рассмотрим каждый раздел и связанные с ним особенности – сначала в целом, на нескольких программных текстах, а затем на примерах конкретных исследований, связанных с Таймыром. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить теоретические требования к полевой работе – сначала в общем виде, затем в более определенных формулировках конкретных исследований.

Этнография прошлого

В этнографии прошлого можно условно выделить два направления, вполне соответствующих описанной выше анучинской программе: 1) реконструкция истории народов, связанная с этногенезом и этнической историей; 2) реконструкция элементов культуры и культурных комплексов (ср. перечни тем для исследования прошлого: Вайнштейн 1988а: 62; Вайнштейн 1988с: 211–212). Обе линии исследования тесно связаны: «...изучение происхождения и эволюции этнических культур и их компонентов необходимо вести наряду с исследованием генезиса отдельных межэтнических форм народной культуры, так как развитие первых теснейшим образом связано с общими и частными процессами культурогенеза» (Вайнштейн 1987: 82). В самом деле, невозможно устанавливать происхождение элементов культуры народа, определять, в силу каких условий эти элементы сложились в целое «историко-генетического среза» и как они затем видоизменялись, не сопоставляя типологически близкие культурные элементы, относящиеся к культурам разных народов; и невозможно корректно определять характер сходства (конвергентное сходство, заимствование, генетическая связь) между культурными элементами или комплексами разных народов, не установив характер исторической связи между культурами этих народов (см.: Токарев 1949: 24–25; Вайнштейн 1988с: 213–214).

Примером культурногенетического исследования, выполненного с использованием большого количества таймырских полевых материалов,

является монография Б.Ю. Симченко «Культура охотников на оленей Северной Евразии» (1976: 4), цель которой состоит в реконструкции доолениводческого циркумполярного культурного комплекса населения тундровой зоны. Такая реконструкция возможна посредством выявления и сравнительного исследования всех связанных с охотой на дикого оленя элементов культуры (способы добычи; орудия промысла; предметы быта – одежда и жилище; черты общественного устройства – производственный коллектив, экзогамные группы, формы брака; черты мировоззрения), распространенных у современных народов, проживающих в тундровой зоне Евразии: саамов, разных групп ненцев, энцев, нганасан, юкагиров и чукчей. Сопоставление этих элементов друг с другом должно определить степень единообразия культуры охотников на дикого северного оленя, а также установить характер корреляции культурных элементов в материальной и духовной сфере; сравнение элементов тундровой охоты на дикого оленя с аналогами культур народов лесной зоны должно выявить южную границу ее распространения (5). Такая обширная работа не может быть проведена без привлечения самых разных сведений об Арктической и Субарктической зонах Евразии – Симченко оперирует данными археологии, этнографии, лингвистики, фольклористики и антропологии. Характеризуя этнографические данные, он акцентирует внимание на том, что наиболее ценными (и потому продолжительными) были «полевые сборы» среди нганасан, у которых элементы культуры охоты на дикого оленя сохранялись наиболее полно, но также Симченко приводит обширный перечень поездок (ежегодно с 1961 по 1972 г.), охватывающих зону предполагаемого распространения циркумполярной культуры, – кроме нганасан перечислены энцы, юкагиры (и косвенные сведения от них, полученные от русско-устыинцев), эскимосы, чукчи, ненцы, ханты, коми-пермяки (6).

Характерным примером этногенетического исследования, использующего таймырские материалы, является уже упоминавшаяся выше работа В.И. Васильева «Проблемы формирования северосамодийских народностей». Проект Васильева по реконструкции в историко-хронологической последовательности сложения ненецкого и энецкого «этносов» (Васильев 1979b: 3) предполагает комплексное использование различных материалов: лингвистических (в том числе данных этнонимии, топонимии), археологических, антропологических и исторических. Место этнографических данных в этом ряду определяется им следующим образом: для исследования этногенеза значима фиксация материальной и духовной культуры исследуемых общностей, необходимая для последующего сравнения с этнографическими данными по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Последнее в случае ненцев и энцев означает, что различные элементы культуры

(типы одежды, виды транспорта, связанные с промыслом обряды и запреты, религиозные особенности) соотносятся с циркумплярным или же южносибирским комплексами и служат для подкрепления тезиса о двухкомпонентном составе «самодийского этнического круга» (16). Также значение имеют фольклорные данные, касающиеся происхождения или родственной связи отдельных родов. В области этнической истории, роль лингвистических, археологических и антропологических материалов снижается, зато возрастает роль исторических источников (статистических материалов, архивных документов, сведений, содержащихся в различных публикациях), роль этнографии несколько меняется. В последней условно выделяются полевые наблюдения и этнографический опрос населения. Методику опроса мы описали выше, он используется для восстановления и уточнения генеалогий и собственно «компонентов» этноса. Значимость полевых наблюдений Васильев отмечает для контактных районов, а именно для фиксации локальных особенностей материальной культуры с вниманием к вопросу о том, имеется ли иноэтническое влияние (22).

Таким образом, в рамках этногенеза и этнической истории этнографические материалы играют вполне определенную роль – в целом, Васильев не отступает от направлений их использования, указанных С.А. Токаревым и Н.Н. Чебоксаровым (Токарев 1949; Токарев, Чебоксаров 1951), а также М.Г. Левиным (1961). Из всего множества возможностей этнографического наблюдения выбираются вполне определенные аспекты, связанные, с одной стороны, с родовой и семейной историей, с другой же стороны, с элементами материальной и духовной культуры – такими, которые позволят в итоге классифицировать и типологизировать исследуемые общности для последующего сравнения и обоснования связей с другими. В обоих случаях требуется кропотливая, многолетняя работа в «этнографическом поле» на территории расселения исследуемого народа (Васильев 1979b: 3), в данном случае двух народов – Васильев упоминает 18 полевых экспедиций, «охвативших практически все основные районы расселения ненцев и энцев» (23).

Этнография современности

В отличие от «этнографии прошлого», которая на всем протяжении послевоенной истории советской этнографии с методологической точки зрения существенно не менялась, этнография современности испытала определенные трансформации и представляет несколько форм. С.С. Алымов выделяет во второй половине XX в. два основных периода исследований настоящего: период конца 1940-х – начала 1960-х гг., связанный с именами С.П. Толстова, П.И. Кушнера, Л.П. Потапова и ори-

ентированный на исследование перехода «от старого к новому» с большим акцентом на торжество нового (например, уровень жизни, положение женщины), включая новую (коммунистическую) сознательность и элементы старого – пережиточные явления, и период 1960–1980-х гг., связанный с именем Ю.Б. Бромлея, с акцентированным вниманием к этнической специфике, которая по мере стандартизации и унификации образа жизни смещается в область «психического» (ценности, установки, нормы поведения) и художественной культуры, ориентированным на исследование этнических процессов, с широким использованием социологических методов (Алымов 2010; ср.: Слезкин 2008: 354–355, 361–364, 388–390; Алымов 2014: 138–143; Соловей 2022: 457–459, 466–468, 492–494; Карлов 2022а: 68–71; Карлов 2022b: 80–82, 87; относительно выделения периодов в советской этнографии см. также: Дивисенко, Винер 2021).

Таким образом, можно условно выделить исследования с большим акцентом на социалистические преобразования, и исследования с большим акцентом на этнические процессы. На другом основании можно также выделить «теоретическое» изучение современности, задачи и подходы которого непосредственно вытекают из описанной выше логики историзма, и «практическое», прикладное использование экспертизы этнографов. «Теоретические» исследования современности в самом общем виде – и в применении к советским народам – предполагают выявление закономерностей исторического процесса на его «текущем» этапе, т.е. в ходе развития народной жизни, движущейся от любых предыдущих стадий к социализму и затем к коммунизму: «...как возникают новые национальные формы культуры и быта, как уступают место новым старые национальные формы, в силу несовместимости их с новыми условиями жизни...» (Потапов 1962: 14), – с учетом того, что все это происходит во взаимодействии с другими культурами и нациями (14). В статье «Этнография» за авторством Ю.В. Бромлея и С.А. Токарева, помещенная во втором выпуске «Свода этнографических понятий и терминов», перечислены следующие проблемы, которые можно отнести к современности: изучение процесса переустройства быта народа, появления новых социалистических, прежде не существовавших форм быта (социалистические преобразования как таковые); изучение пережитков капитализма и докапиталистических отношений – тех, которые тормозят социалистическое развитие и с которыми должна вестись борьба, но также и «позитивных» этнических особенностей, народных традиций в быту, в материальной культуре, которые могут оказаться полезными и требуют сохранения, поощрения, развития; изучение этнических аспектов современной перестройки быта и культуры – собственно, этнических процессов (национальная консолидация в ходе сближения, слияния, ассимиляции – на пути к единому советскому народу) (Бромлей, Токарев

1988: 31; ср. практически идентичный список проблем: Токарев 1958: 9–10; см. также: Толстов, Жданко 1964: 12–13). Таким образом, можно выделить четыре основные проблемы этнографии современности: 1) социалистические новации; 2) негативные пережитки; 3) позитивные пережитки; 4) этнические процессы. Легко заметить, что эти проблемы группируются в выделенный выше тип «социалистические преобразования» (проблемы 1–3) и тип «этнические процессы» (проблема 4).

В упомянутом обзоре исследований современности Л.П. Потапова также есть примеры прикладных вопросов, которые скорее относятся к типу «социалистические преобразования»: планирование снабжения промышленными товарами различных районов СССР; разработка типов современного жилища применительно к национальным традициям населения; вопросы заселения вновь осваиваемых или малонаселенных районов в связи с их промышленным или сельскохозяйственным развитием; вопросы о путях и способах более быстрого экономического и культурного развития малых народностей Сибири и Крайнего Севера; борьба с различными религиозно-бытовыми пережитками, выяснение причин их живучести и мер их преодоления (Потапов 1962: 15). Примером прикладного вопроса, соответствующего теоретическим исследованиям этнических процессов, можно считать межэтнические отношения (ср. описание экспертизы по Нагорному Карабаху в 1963 г. и другие примеры в Rawski 2017: 125–130). Вообще, результаты «практических» исследований современности лучше всего известны по докладным запискам. С.С. Алымов указывает конец 1940-х гг. как время появления этого жанра в практике сотрудников ИЭ (Алымов 2006: 219–220). К. Равски приводит подсчеты по объему «серой» продукции, выпускавшейся ИЭ, – около 20 записок в год с 1945 по 1987 г., и вдвое больше с 1988 г. (в связи с актуализацией национальной тематики) (Rawski 2017: 115). Сектор Севера был подразделением, более всего вовлеченным в создание записок (115). Как не раз указывалось в историографии, это связано с историей образования сектора, с поставленными перед ним и Северной экспедицией задачами, с постоянными связями с Комиссией по проблемам Севера, Госпланом и Совмином РСФСР, наконец, с историей специальных постановлений по Северу (Батьянова 2017, 2022; Калеменева 2018; Пивнева 2019, 2021, 2022; Головнев, Данилова 2021).

Итак, этнография современности была значимой частью работы сотрудников сектора Севера на протяжении всей его истории. На примере текстов, связанных с Таймыром, заметна некоторая специфичность, присущая работе сектора в целом. Во-первых, выделенные выше проблемы исследования современности существуют неравномерно: как правило, тексты, посвященные социалистическим преобразованиям, включают и вопросы, связанные с позитивными пережитками, которые объясняются

адаптацией к определенным условиям жизни на Севере. Негативные пережитки либо не рассматриваются вовсе, либо описываются как уже ушедшие в более или менее отдаленное прошлое (см., например: Файнберг 1959; Сибирский... 1963). Этнические процессы рассматриваются как самостоятельно, так и совместно с социалистическими преобразованиями. Во-вторых, «теоретические» тексты нередко включают элементы практических и наоборот. Статья «Современное самодийское население Таймыра», написанная В.И. Васильевым и Ю.Б. Симченко по материалам полевых исследований 1961–1962 гг., является примером текста о социалистических преобразованиях. Авторы ставят перед собой задачу отразить «существенные изменения, произошедшие за годы советской власти в хозяйстве, быте, культуре, а также в расселении» приенисейских ненцев и авамских нганасан (Васильев, Симченко 1963: 9). В тексте по каждой из групп последовательно представлены данные, соотносящие сельсоветы, колхозы и поселки, с одной стороны, и народы, роды и фамилии – с другой; информация о владении языками, в том числе в смешанных семьях; некоторые особенности колхозных оленеводства, рыболовства, охоты и животноводства – их доходность, выполнение планов, технические новшества, оплата труда; приведены отдельные данные по бюджетам домохозяйств; охарактеризована жизнь в поселках – жилищное строительство, отдельные аспекты работы образовательных, медицинских и культурных учреждений. «Пережитки» также описываются, но скорее мимоходом и как нейтрально-позитивные национальные особенности (например, традиционная одежда и орнаментика или традиционные праздники). В статье также есть указания на отдельные недостатки в социалистическом строительстве (например, красные чумы недостаточно часто выезжают в бригады оленеводов; новые дома не оснащаются мебелью; складские помещения не приспособлены для хранения шкур дикого оленя) и в нескольких случаях сформулированы рекомендации по их исправлению.

В целом, тексты, фокусирующиеся на социалистических преобразованиях, хотя и с вариациями в том, как расставлены акценты, включают следующие элементы: а) изменения в хозяйствовании (способы организации, приемы, техника, доходность) и в быту (бюджеты семей, жилье, инфраструктура, одежда, пища, образование, медицина, «культурное обслуживание», иногда религиозные воззрения), реже – в социальных отношениях (брак, семья, родовые отношения) (Файнберг 1959; Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васильев, Симченко, Соколова 1966; Васильев, Симченко 1971; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974; Васильев, Симченко 1976); б) более или менее пространное описание состояния «до» (до революции, до коллективизации), сопровождающиеся историей советизации (Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васи-

льев, Симченко 1971); в) выявленные недостатки и рекомендации (Файнберг 1959; Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васильев, Симченко, Соколова 1966; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974). Любопытно, что и докладные записки нередко написаны с использованием сходной логики, хотя, как правило, и с существенно большим местом для описания недостатков социалистического строительства и их причин, а также рекомендаций (Долгих, Файнберг 2004; Симченко 2005; Васильев, Симченко 2006; Васильев 2006; Симченко 2006; Жорницкая 2006; Лебедев 2006, 2007а, 2007б, 2007с; Плужников 2007; см. также: Головнев, Данилова 2021).

Что касается полевых сведений, присутствующих в текстах этого типа, то они вполне соответствуют данному выше описанию полевой работы В.И. Васильева по современности. Сходный список приводит и Е.П. Батянова, обобщая работу Северной экспедиции: «Помимо использования традиционных методов включенного наблюдения, интервьюирования производилось изучение документов в статуправлениях, сельсоветах, архивах, загсах. В сельских советах копировались и тщательно анализировались похозяйственные книги... Использовались вопросники, специально подготовленные анкеты. Составлялись картосхемы, осуществлялись фото- и киносъемки» (Батянова 2017: 21–22).

Тексты, посвященные исследованию этнических процессов (Симченко 1970; Васильев 1979а, 1985), устроены несколько иначе по сравнению с текстами о социалистических преобразованиях. Хотя элементы темы этнических отношений встречаются в последних (Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974), а иногда обе темы представлены равноценно (Васильев 1970; Лебедев 1987), различия между ними заметны. Хорошим примером является работа В.И. Васильева «Этнические процессы на нижнем Енисее (К вопросу об этнической самобытности современных энцев)» (1979а). Текст посвящен осмыслению некоторых результатов полевой поездки 1977 г., одной из целей которой было «выявление направленности развития и характера контактов между двумя численно различными этносами в условиях относительно замкнутой микросреды на определенном, сравнительно небольшом, хронологически временном отрезке (в данном случае – 15 лет)» (56). В вводной части текста проблема ставится следующим образом: энцы – один из самых небольших народов Советского Союза, несмотря на то что они живут вовсе не изолированно, в тесном, все более интенсивном на протяжении XX в. контакте с ненцами и русскими, – все же «умели сохранить свое этническое лицо и в первую очередь самосознание и язык» (55). Однако, отмечает Васильев, этот вывод справедлив для начала 1960-х гг., когда энцы в последний раз были объектом этнографического изучения. Экспедиция 1977 г. представлена как

целенаправленно организованная для исследования этнических процессов, произошедших в период ненаблюдения, что хорошо сопоставляется с рассуждением З.П. Соколовой: «Я ездила в одни и те же места по два, а то и по три раза с промежутком в 10–15 лет. Это очень полезно, потому что позволяет видеть произошедшие изменения и делать теоретические выводы» (Интервью 2000: 38). В таком подходе свое «полевое выражение» находят принципы историзма: повторные выезды в посещаемые ранее места позволяли наблюдать историческое развитие, этапом которого предстала современность (ср.: Толстов 1947b: 16).

Результаты описанной работы позже были встроены В. Васильевым в более общий текст, посвященный этническим процессам в десяти этноконтактных зонах, опубликованный в сборнике «Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера» (1985). В нем устанавливаются типы этнических контактов: равновесие – брачные взаимоотношения, возможна утрата материальной культуры, сохранение языка и самосознания; сближение – значительный процент смешанных браков, утрата материальной культуры, двуязычие, сохранение самосознания (именно этот вариант характеризует взаимоотношения ненцев и энцев); слияние – перевес смешанных браков перед одноплеменными, утрата материальной культуры, утрата языка, расплывчатое самосознание. Также отмечается общее для проживающего в этноконтактных зонах населения «широкое и быстрое вхождение в его жизнь элементов общесоветской культуры, усвоение и знание людьми всех возрастных категорий русского языка» (89). Из этого примера видно, что данные, использованные для характеристики этнических процессов, существенно пересекаются с теми, которые фигурируют в исследованиях социалистических преобразований: так, Васильев приводит сведения об изменениях, произошедших между 1962–1963 и 1977 гг. в семейном составе энцев (используются данные хозяйственных книг и генеалогических опросов по методике, описанной выше); во владении энецким, ненецким и русским языками; в самосознании (ответ на вопрос о национальности, а также как записаны люди в различных документах); в традиционной материальной культуре (жилище и одежда – что любопытно, подтверждения приводятся столько же из данных расспросов – «смогли назвать только двух женщин [с национальной одеждой]», сколько из наблюдений – «парки... можно было наблюдать») (Васильев 1979a: 56–61). Каждый набор изменений сопровождается более или менее развернутыми «функционалистского» типа объяснениями их причин – например, изменения в материальной культуре связываются с изменением в производственном направлении совхоза (рост значения рыболовства), которое в свою очередь связано с уменьшением поголовья общественных и личных оленей под влиянием как экономических, так и экологических факторов (56–61). Кроме того, все изменения оцениваются относительно «контрольной» группы авамских энцев.

Таким образом, для наблюдения этнических процессов необходимы «повторные» (или, по крайней мере, сопоставимые) данные – для фиксации изменений, а также данные по смежным группам. Тем не менее характер этих данных тот же, что и для типа «социалистические преобразования», причем все использованные данные могут быть получены в достаточно краткие сроки путем расспросов, анализа массовых источников и условно простых наблюдений (есть или нет в определенной группе определенный элемент культуры). Любопытно, что в рамках обоих типов исследования современности сотрудники сектора стремились охватить все северные народы. Это заметно и в особенностях организации Северной экспедиции [по плану работы сектора на 1959–1965 гг.](#): «Ежегодно сотрудники сектора в составе 3–4 отрядов будут выезжать в различные районы Севера, с тем, чтобы в течение указанного срока охватить экспедиционным изучением все 26 малых народов Севера» (цит. по: Батьянова 2017: 18; [цитируемый план работы см.: АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1124](#); ср. также Гурвич 1967: 259); и в том, что для каждого типа подготовлена итоговая обобщающая монография по всему Северу: «Новая жизнь народов Севера» (1967) для социалистических преобразований и «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (1987) для этнических процессов.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, можно утверждать, что основные параметры полевой работы на Таймыре были обусловлены теоретической структурой послевоенной советской этнографии народов Севера. В этой структуре можно выделить два определяющих «слоя»: анучинскую программу естественной истории человека и марксистский историзм, существующие, впрочем, не раздельно, а в гармоничном единстве. Послевоенная этнография реализовала анучинское требование комплексного подхода с привлечением данных физической антропологии и археологии, а также ориентацию на изучение народов в целом, а не отдельных локальных групп. Последняя предполагала необходимость охвата всей территории расселения народа (и учет всех народов) для сбора сравнительных данных. Развитие этих установок в соединении с принципами марксистского историзма нюансировало задачи и способы исследования «этнографического прошлого» и расширило зону ответственности этнографов специфически ориентированной «этнографией современности».

В рамках обоих выделенных направлений изучения прошлого (этногенетического и культурногенетического) предполагалось комплексное использование разных типов источников, а также широкий географический охват различных групп одного народа или целой совокупности

народов для сравнительного анализа элементов культуры. Парадоксальным образом, историческая глубина требовала географической широты, что, наряду с интенсивным исчезновением компонентов традиционной культуры, оставлявших все более хрупкие следы лишь в памяти старших поколений – «ведь в сущности вся наша многонациональная страна – новостройка!» (Вайнштейн 1985: 57), располагало к предпочтению данных полученных путем опросов (как условно массовых – по анкете, так и в режиме развернутых и регулярных бесед с «ключевыми информантами») и в результате обработки архивных и массовых документальных источников, а не данных, полученных глубоким непрерывным наблюдением и «вживанием» в местное сообщество. Первые представлялись приоритетными для построения историко-этнографических теорий и вместе с тем полезными для практического применения. Такое предпочтение способствовало маршрутности и делало достаточными краткосрочные полевые выезды.

В свою очередь, этнография современности, сфокусированная в случае Таймыра на социалистических преобразованиях и этнических процессах, понятых в исторической логике – в логике фиксации и объяснения изменений в «теоретических» исследованиях и в логике выявления недостатков и разрешения проблем, стоящих на пути изменений в прикладных работах, – такая конфигурация этнографии современности также вполне могла удовлетворяться краткосрочными поездками, требуя, однако, использования самых разных источников иного типа – «экспертных» интервью, отчетов и документации учреждений и предприятий, материалов из архивов и статуправлений и т.д., а в случае с этническими процессами – также повторных поездок (или, во всяком случае, сопоставимых сведений на заданном временном отрезке). И хотя, например, сами по себе социалистические преобразования могут исследоваться выборочно в каждом конкретном месте (колхозе, поселке, районе), но в сочетании с ориентацией на народ в качестве основной аналитической категории эта тема также «работает» на требование пространственного охвата: в полной мере оценить процессы, происходящие с народом, можно, собрав данные по всем (или хотя бы по большинству) входящих в него групп.

Параметры таймырских экспедиций, таким образом, становятся более понятными в свете теоретических оснований метода полевой работы, установившегося в послевоенной советской этнографии. Этот метод представляет собой своеобразное марксизированное развитие анучинской программы, не предполагавшей жестких требований к длительности и способам пребывания в «поле». В этом отношении «анучинскую полевую школу» можно противопоставить норме «этнографического года» Штернберга и Богораза как прагматическую концепцию поля – нормативной.

Описанная нами конфигурация советской этнографии не включает тот тип изучения «религиозно-бытовых пережитков», который С.С. Алымов проанализировал на примере полевой работы Г.П. Снесарева. По-видимому, герои нашей реконструкции, работавшие на Таймыре, находятся на «стандартной» стороне, от которой С.С. Алымов отличает Снесарева: «Характерной особенностью рассмотренных методологических представлений был их отчетливо позитивистский характер. Речь шла о тщательной “фиксации” материала всеми доступными техническими средствами. <...> Поле воспринималось как способ сбора “данных”, а не как диалогическое взаимодействие этнографа с информантами. Снесарев, однако, был одним из немногих, а возможно, единственным, кто в данный период анализировал свой полевой опыт и формулировал задачи полевой работы в терминах понимания точки зрения информанта, а не бесстрастной “фиксации” материала. Поэтому он регулярно настаивал на необходимости стационарных исследований, хотя его собственные “стационары” не превышали по длительности одного-двух месяцев» (Алымов 2013: 78). Анализируя методологические размышления Снесарева, Баилова и советских религиоведов в целом, С.С. Алымов связывает появление стационарных полевых исследований в разных научных традициях с проблемой объяснения «другого», понять поведение и представления которого невозможно, не затратив много сил и времени на «вживание» в быт изучаемой группы (ср. Громов 1966: 13–14), и предполагает, что в контексте советской послевоенной этнографии в роли такого другого «мог выступать главным образом верующий (и тем более верующий мусульманин или старообрядец), странным образом выпадавший из социалистической действительности» (Алымов 2013: 79).

Описанные нами теоретические проекты по большей части не требовали понимания другого в описанном смысле (и не приводили к созданию стационаров). Впрочем, и на Таймыре сложились в определенный момент условия для стационара, точнее, для «полустационара»: «В ходе работы наметились две формы экспедиционных исследований: единовременные обследования больших областей или районов и полустационарное долговременное изучение отдельных народов или этнических групп. Так, в течение ряда лет, почти ежегодно, сотрудники сектора совершают выезды на Таймыр для углубленного изучения изменений в быту одного из самых отсталых и примитивных в прошлом народов Севера – нганасан, такие исследования проводятся среди кетов» (Гурвич 1967: 260). Можно предположить, что поскольку Симченко выделял нганасан в качестве эталонной культуры для реконструкции комплекса охотников на дикого оленя и поскольку одной из его провозглашенных задач был анализ корреляции явлений материальной и духовной куль-

туры, т.е., по существу, «понимание другого», постольку этот «полустационар» оказался востребован. В целом же марксизированная анучинская этнография вполне удовлетворяется краткосрочными маршрутными экспедициями, которые, по описанию Г.Г. Громова, более всего «пригодны для исследования тех сторон народной культуры, изучение которых не требует обязательного длительного пребывания на месте. Так, за сравнительно короткий срок можно собрать достаточно полные сведения о жилище, одежде, утвари, пище и о многих других явлениях и сторонах культуры и быта. Широко используются кратковременные экспедиции и для... уточнения границ распространения тех или иных явлений» (Громов 1966: 12).

Итак, в нашей статье мы рассмотрели теоретические факторы послевоенной полевой практики на примере таймырских экспедиций сектора Севера ИЭ. Это позволило нам подступиться к проблеме идеи поля в советской этнографии и наметить некоторые контуры этой идеи в послевоенный период в противопоставлении с довоенными концепциями ленинградской этнографической школы. За рамками этой статьи остались институциональные факторы полевой работы, формирующие идею поля в не меньшей степени, чем теоретические (хотя и менее заметным образом). В частности, может оказаться, что условия финансирования академической науки (а не теоретические особенности этнографии) послужили причиной того состояния полевых исследований, реакцией на которое стала позднесоветская переоценка сложившихся к тому моменту практик (см., например: Зоя Петровна Соколова... 2000: 32). Эта переоценка, как отмечалось во введении, сыграла важную роль в формировании современных представлений о поле в российской антропологии – установки на то, что оно должно быть длительным и локализованным. Дальнейшая разработка вопроса условно вненаучных обстоятельств советской полевой работы позволит не только лучше понять советские практики, но и в более полной мере осмыслить сегодняшнюю идею поля и ответить на, возможно, напрашивающийся вопрос: не следуем ли мы невольно в своей практике теоретическим установкам и нормам, которые не разделяем, и не находимся ли в плену структурных ограничений, которых сегодня уже нет?

Примечания

¹ Пожалуй, первым, кто отметил существование «фриторики поля» в отечественной традиции был С.В. Соколовский (Размышления 1996: 7).

² Одним из этих пособий была «Методика этнографических экспедиций» этнографаруриста Г.Г. Громова (1966), подготовленная на основе курса лекций для студентов кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Здесь уместно сослаться на личный опыт выпускника этой кафедры (под уже современным названием – «кафедра этнологии»). Вплоть до начала 2010-х гг. «методичка Громова» оставалась основным и, в сущности, единственным «учебником» в рамках курса, посвященного полевой работе.

³ Ср. примеры такого типа программ в подборке (Вопросники 2002). В выпусках «Советской этнографии» с 1931 по 1991 г. нами обнаружено только три публикации с текстами программ (Воробьев 1951; Васильева, Пименов, Христолюбова 1970; Арутюнян 1972).

⁴ Сектор Севера был организован в 1955 г. в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР от 10 декабря 1954 г. «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу» (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 210). Имеющая хождение в литературе датировка постановления десятым февраля (см.: Батянова 2017: 14; Пивнева 2022: 124), по всей видимости, является результатом опечатки. В 1986 г. сектор был преобразован в «Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири» (Батянова 2017: 38; Зоя Петровна Соколова... 2000: 32; Пивнева 2022: 124). Поскольку в большую часть рассматриваемого периода подразделение московских североведов находилось в статусе сектора, в тексте мы будем использовать именно этот термин.

⁵ Более подробное описание Таймырских экспедиций, включая полный перечень экспедиций, а также программу одной из поездок, мы приводим в отдельной публикации (Ковальский, Басов, в печати).

⁶ Северная экспедиция была организована в 1956 г. (Гурвич 1967: 258). До 1965 г. она возглавлялась заведующим сектором Б.О. Долгих. В последующие годы вплоть до формального прекращения ее существования в постсоветское время руководить экспедицией продолжили заведующие сектором И.С. Гурвич (до 1987 г.) и З.П. Соколова (до 1991 г.) (Батянова 2017: 26, 37). По сообщению А.А. Сириной, название экспедиции является аллюзией на Великую Северную экспедицию XVIII в. (Sirina 2023: 595).

⁷ Комиссия по проблемам Севера была создана при Президиуме АН СССР 28 мая 1954 г. по Постановлению «Об организации научных исследований в районах Советского Севера» (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 170. Л. 181; Шапалин 1967: 250). А.А. Сулейманов и Е.А. Калеменева ошибаются, когда относят создание комиссии к концу года (Сулейманов 2017: 161; Калеменева 2018: 188) – в конце года Постановление Президиума АН СССР утвердило положение о комиссии и ее состав (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 211). В 1958 г. комиссия была передана в состав СОПС АН СССР, который в свою очередь был в 1960 г. переведен в Госэкономсовет – Госплан СССР. В 1962 г. комиссия получила статус междомоственной (Шапалин 1967: 253; Батянова 2017: 37; Калеменева 2018: 195).

⁸ Группа Севера при Совете министров РСФСР была организована в 1962 г. для реализации Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (Гурвич 1971: 35; Зибарев 1976: 213; подробнее см.: Интервью 2000: 47; Слезкин 2008: 383–384). Позже – в 1971 г. – она была преобразована в отдел. Сообщение А.В. Головнева и Е.Н. Даниловой (2021: 133) о формировании отдела Севера при Совете министров РСФСР в 1954–1955 гг. представляется ошибочным. Они ссылаются на упоминавшееся в примечании № 4 Постановление Президиума АН СССР, однако у последнего не могло быть полномочий по созданию какой бы то ни было структуры в правительстве Советской России. Вместо этого в документе речь идет об утверждении положения упоминавшейся Комиссии по проблемам Севера, к тому моменту существовавшей несколько месяцев. Должно быть, в сообщении подразумевалась именно эта комиссия, а не отдел.

⁹ По сообщению Е.П. Батяновой (2017: 37), задачи Северной экспедиции определялись Междомоственной комиссией по проблемам Севера, однако конкретные выражения этой связи в организации отдельно взятых полевых исследований остаются неясными.

¹⁰ К нему мы обратились, в частности, чтобы проверить сведения из опубликованных источников о проведении Б.О. Долгих полевых исследований в 1960 г. (Гурвич 1967: 259; Мифологические 1976: 16), которым не нашлось подтверждения в отобранных нами типах архивных источников. Возможно, имела место опечатка или ошибка, и правильной датой является 1961 г., тем более что в одном из источников используется полевой материал 1961 г. (Мифологические 1976: 313), а в научном архиве ИЭА РАН (в описи личного фонда и картотеке) не удалось обнаружить сколь-нибудь надежных указаний на проведение Б.О. Долгих полевых исследований в 1960 г.

¹¹ Возможное исключение – экспедиция Ю.Б. Симченко, В.И. Васильева и фотографа А.А. Линденберга 1964–1965 гг. в составе бригады ЦК ВЛКСМ (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 593. Л. 24–25), проходившая с сентября по январь. Маршрут этой экспедиции был исключительно протяженным и включал помимо Таймыра Чукотку, Северную Якутию, Ямал, Ненецкий округ и Мурманскую область, есть вероятность, что зимние месяцы пришлись на эти «поля».

¹² Картографические материалы, отмечающие размещение населенных пунктов и границы хозяйственных организаций, были подготовлены в рамках проекта «История расселения коренных малочисленных народов Таймыра на территориях размещения Норильского горно-металлургического комбината и сопутствующей инфраструктуры в 1920–1980-е годы», выполненного Институтом этнологии и антропологии РАН по заказу Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Работа по сбору и обработке материалов велась группой исследователей (А.С. Басов, С.О. Ковальский, М.А. Мочалова, А.А. Пушин, М.Д. Устинова, под рук. Д.А. Функа; работу с картами осуществил Б.В. Никитин) в 2022–2023 гг.

¹³ Васильев считает важным разграничивать этногенез и этническую историю. Под этногенезом он понимает «процесс исторического формирования этноса или, иными словами, его сложение из разнородных (разноязычных, разнорасовых) этнических компонентов», при этом этническими компонентами выступают родовые, родо-племенные группы; под этнической историей – «период исторического развития этноса, начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современное нам время» (Васильев 1979b: 4–7).

¹⁴ Балок – нартенный чум, тип передвижного жилища; включает каркас, обтянутый покрывком (оленьи шкуры, ткань), поставленный на нарту (см.: Историко-этнографический атлас Сибири 1961: 14; про особенности таймырских балков см.: Долгих, Файнберг 1960: 38–39).

¹⁵ Т.Д. Соловей, указывая на то, что Анучина можно рассматривать в качестве «основополагающей личности» для отечественной этнографии, утверждает, что, несмотря на это, его «никогда не называли» «создателем русской этнографии» (Соловей 2022: 167). Вместе с тем в указанном сочинении Л.Я. Штернберг прямо называет Анучина «основоположником русской этнографии».

¹⁶ Так, описывая свое знакомство с Долгих, С.А. Токарев называет его «красноярским этнографом» (1995: 175).

Список источников

- «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / под ред. Н.А. Дубовой, Ю.Н. Квашнина. М.: Старый сад, 2011.
- Алексеева Т.И., Арутюнов М.Г. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.
- Альмов С.С. Дмитрий Николаевич Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 7–48.
- Альмов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 69–88.
- Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.
- Альмов С.С. На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.

- Альмов С.С. От редколлегии. Выполненные задачи? (В качестве предисловия к публикации статьи Д.Н. Анучина «О задачах русской этнографии») // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 5–10.
- Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА, 2006.
- Альмов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 1 (101). С. 109–129.
- Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии [1889 г.] // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 11–28.
- Архивы Российской академии наук (РАН). Ф. 142. Оп. 10. Д. 257. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР о работе за 1963 год и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1124. План работы сектора народов Крайнего Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР на 1959–1965 гг., изменения и дополнения к нему.
- РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 593. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР за 1966 год и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 828. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР за 1968 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 170. Протоколы (подписные) № 19–22 и стенограммы (неправленные) заседаний Президиума Академии наук СССР 1954.
- РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Протоколы и стенограммы заседаний президиума Академии наук СССР за 26.11.1954–10.12.1954.
- Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19.
- Батянова Е.П. Памяти Марии Яковлевны Жорницкой // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 182–185.
- Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13–39.
- Батянова Е.П. Борис Осипович Долгих и развитие советской школы полевого этнографического сибиреведения в 1950–1970-е годы // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней : материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 217–221.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1900–1962 / сост. О.В. Бунакова, Р.В. Каменецкая. Л.: Наука, 1967.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1963–1975 / сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева. СПб.: МАЭ РАН, 2008.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1976–1985 / сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева, Е.В. Шепелева. СПб.: МАЭ РАН, 2011.
- Бромлей Ю.В., Токарев С.А. Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 21–41.
- Вайнштейн С.И. Актуальные вопросы исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Советская этнография. 1985. № 3. С. 51–59.
- Вайнштейн С.И. Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 119–129.

- Вайнштейн С.И.* Еще раз о полевом исследовании традиционной культуры (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 61–68.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988а. С. 62–63.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография в структуре этнографической науки // Советская этнография. 1987. № 4. С. 77–82.
- Вайнштейн С.И.* Полевая этнография // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988b. С. 205–208.
- Вайнштейн С.И.* Сравнительно-исторический метод // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988с. С. 211–216.
- Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточ. литература, 2002. Вып. 1. С. 284–307.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Советская этнографическая школа // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 114–124.
- Васильев В.И.* Лесные энцы (очерк истории, хозяйства и культуры) // Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1963. Т. V. С. 33–70.
- Васильев В.И.* Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 48–81.
- Васильев В.И.* Ненцы и энцы Таймырского национального округа (очерк хозяйства, быта и этнических процессов, протекающих на Енисейском Севере) // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И.С. Гурчи, Б.О. Долгих. М., 1970. С. 106–163.
- Васильев В.И.* Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Васильев В.И.* Открытие самодийского мира (история одного научного поиска) // Советская этнография. 1976. № 4. С. 145–156.
- Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979b.
- Васильев В.И.* Самодийское население низовьев Енисея: Очерки по этнической истории, современному хозяйству и быту: дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
- Васильев В.И.* Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1962. Вып. 37. С. 67–75.
- Васильев В.И.* Современное хозяйство и быт коренного населения низовьев Енисея. По материалам полевых исследований в Таймырском национальном округе // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 119–133.
- Васильев В.И.* Современные этнические процессы в низовьях Енисея // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). Т. 10. М., 1979с. С. 340–345.
- Васильев В.И.* Этнические процессы на нижнем Енисее (К вопросу об этнической самобытности современных энцев) // Полевые исследования Института этнографии / отв. ред. С.И. Вайнштейн. 1977. М.: Наука, 1979а. С. 55–62.

- Васильев В.И. Современное хозяйство и быт коренного населения низовьев Енисея. По материалам полевых исследований в Таймырском национальном округе // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 119–133.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Современное самодийское население Таймыра // Советская этнография. 1963. № 3. С. 9–20.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Борис Осипович Долгих (К шестидесятилетию со дня рождения) // Советская этнография. 1964. № 6. С. 151–153.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Опыт использования этнических традиций в современном хозяйственном строительстве // Социалистические преобразования жизни народов советского Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС: тезисы докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. / под ред. В.И. Федорова. Якутск: Ин-т яз., литературы и истории, 1976. С. 93–94.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Переустройство хозяйства, быта и культуры коренного населения Таймырского национального округа // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 245–275.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Поездка в Таймырский национальный округ // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 7–14.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера // Советская этнография. 1966. № 3. С. 9–22.
- Васильев В.И., Тулолуков В.А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. 1960. № 5. С. 128–141.
- Васильева Э.К., Пименов В.В., Христолюбова Л.С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 57–70.
- Владимир Иванович Васильев (20.04.1936–21.10.1993) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 156–159.
- Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии: учеб.-метод. пособие / под ред. С.Ф. Татаурова. Омск: ОмГУ, 2002.
- Воробьев Н.И. Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народностей Среднего Поволжья // Советская этнография. 1951. № 4. С. 180–198.
- Головнев А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.
- Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.
- Громыко М.М. Памяти Юрия Борисовича Стракача // Традиции и современность. 2015. № 16. С. 156–160.
- Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Гурвич И.С. 10 лет деятельности сектора Севера Института этнографии АН СССР // Промысловая фауна Крайнего Севера и ее использование. М.: Наука, 1967. С. 258–261. (Проблемы Севера. Вып. 11).
- Гурвич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 9–49.
- Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 198–204.
- Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. (К вопросу о методике ранних советских полевых исследований) // Очерки

- истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. 4. С. 110–121.
- Данилейко В.А. К вопросу истории изучения п-ова Таймыр в 1920–30-х гг. XX в // Труды Братского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 185–194.
- Дивисенко К.С., Винер Б.Е. Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016) // Мир России. 2021. № 4 (30). С. 156–187.
- Долгих Б.О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики // Советская этнография. 1964. № 4. С. 76–90.
- Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны / Академия наук СССР // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера: труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия: сборник статей. Т. 56 / под ред. Б.О. Долгих, М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 9–62.
- Долгих Б.О., Файнберг Л.А. О положении коренного населения Авамского района Таймырского национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 185–203.
- Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 70–85.
- Жорницкая М.Я. Некоторые вопросы современного положения коренного населения Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 373–379.
- Зибарев В.А. Комитет содействия народностям Севера // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 213.
- Зоя Петровна Соколова: о времени и о себе / интервью записала и подготовила к печати В.И. Харитонова // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 12–35.
- Интервью с З.П. Соколовой на тему «Основные методические проблемы и опыт полевого исследования» / записала Е.В. Миськова // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 36–48.
- Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Калеменева Е.А. Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг.: случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–200.
- Карлов В.В. Послевоенный этап развития отечественного народоведения и его концептуальные подходы // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022а. С. 68–78.
- Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и позднесоветская этнография // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022б. С. 79–90.
- Карлов В.В. Юрий Борисович Симченко: в поле и вне поля // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 61–68.
- Ковальский С.О., Басов А.С. Таймырские экспедиции московских этнографов во второй половине XX в.: опыт исторической реконструкции и картографирования // Народы Севера. Государство. Этничность / отв. ред. Е.А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, в печати.
- Лебедев В.В. Изменения в культуре народов Обско-Енисейского Севера // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. 1987. № 17. С. 92–110.

- Лебедев В.В. Некоторые вопросы социально-экономического и культурно-бытового развития коренного населения Хатангского района Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 262–280.
- Лебедев В.В. О современном положении коренного населения Хатангского района Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007а. С. 9–20.
- Лебедев В.В. Некоторые вопросы современного развития коренного населения Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007б. С. 48–63.
- Лебедев В.В. Социальное и этническое развитие коренного населения Новорыбинского сельсовета Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007с. С. 143–148.
- Лебедев В., Лопушко Н., Симченко Ю. Хозяйство, быт и культура коренного населения Авамской тундры по материалам Таймырского отряда Северной экспедиции // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году). Ч. 2. М., 1974. С. 32–41.
- Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // Советская этнография. 1961. № 1. С. 20–28.
- Лобачева Н. К юбилею С.П. Толстова // Советская этнография. 1957. № 5. С. 164–166.
- Любовцев В.И., Симченко Ю.Б. Тундра не любит слабых. М.: Мысль, 1968.
- Мифологические сказки и исторические предания нганасан / запись и подго. текстов, введ. и ком. Б.О. Долгих. М.: Глав. ред. восточ. лит., 1976.
- Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1976 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 122. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1977 году. Т. 1.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 133. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1978 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 177. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1986 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1959 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Отчёты о работе отрядов Комплексной экспедиции Института в 1959 году (А–Е). Т. 1.
- НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 1753. Комплексная экспедиция. Енисейский отряд. Полевой дневник В.И. Васильева № 2. 1959.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 47. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1960 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1961 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 59. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1962 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 183. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1987 году. Т. 2.
- Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.) / отв. ред. И.С. Гурвич, З.П. Соколова. М.: Наука, 1991.
- Новая жизнь народов Севера / под ред. В.И. Васильева, И.С. Гурвича, Ю.Б. Симченко. М.: Наука, 1967.

- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований / Г.В. Старовойтова и др. // Советская этнография. 1985а. № 4. С. 67–77.
- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований / В.Р. Арсеньев и др. // Советская этнография. 1985б. № 5. С. 57–69.
- Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. / отв. ред. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970.
- Октябрьская И.В., Романова Е.Н.* Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 9–20.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютов, С.С. Алымов, Д.Дж. Андерсон. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Очерки экспедиционного быта в Закавказье / отв. ред. В.И. Козлов. М.: Старый сад, 2001.
- Пивнева Е.А.* Североведение в ИЭА РАН: по следам И.С. Гурвича и в ногу со временем. Якутск: Электронное изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 25–33.
- Пивнева Е.А.* Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. № 4 (11). С. 780–788.
- Пивнева Е.А.* Этнографы и малочисленные народы Севера и Сибири в контексте советской этнонациональной политики // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 90–157.
- Плужников Н.В.* Языковая ситуация в поселке Усть-Авам Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 149–152.
- Потапов Л.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР // Советская этнография. 1962. № 2. С. 3–19.
- Размышления о судьбах науки / В.В. Карлов и др.; беседовал А.Л. Елфимов // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 3–24.
- Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.
- Решетов А.М.* Борис Осипович Долгих и ленинградские сибиреведы (к постановке вопроса) // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.П. Макаров. Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2004. Ч. 1. С. 75–81.
- Саввинов А.И.* «Пять лет в Туруханском крае». Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 43–52.
- Савоскул С., Соколова З.* Юрий Борисович Симченко // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 163–168.
- Савоскул С.С.* Этнограф Красноярского музея – Б.О. Долгих в 1937–1944 гг. // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 100–118.
- Сибирский этнографический сборник. Т. V / под ред. Б.О. Долгих. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
- Симанкова Л.А.* Ученые-этнографы, работавшие на Таймыре в XX веке // Музейный вестник. Дудинка: Издат. дом «КП плюс», 2003. Вып. 3. С. 4–40.
- Симченко Ю.Б.* Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. С. 164–178.
- Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976.

- Симченко Ю.Б. Современное хозяйство, быт и культура авамских и таймырских нганасан // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 273–298.
- Симченко Ю.Б. Нганасаны и долганы Волочанского сельсовета Дудинского района Таймырского национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 229–252.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
- Соколовский С.В. Российская антропология: цена самобытности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2008. Вып. 13. С. 32–62.
- Соколовский С. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.
- Соколовский С. В дейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. 2011. № 2. С. 70–89.
- Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках, XVIII – начало XXI вв. М.: Этносфера, 2022.
- Средняя Сибирь / общ. ред. И.П. Герасимова. М.: Наука, 1964. (Природные условия и естественные ресурсы СССР.)
- Сулейманов А.А. Материалы деятельности Комиссии по проблемам Севера как источник по социально-экономическому положению аборигенных этносов Советской Арктики в 50-е гг. XX в. // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 160–167.
- Сулейманов А.А. Экспедиции Академии наук СССР на Азиатский Север в 30-е гг. XX в. // Мир Науки, Культуры, Образования. 2012. № 2 (33). С. 427–431.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
- Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. № 4. С. 7–26.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
- Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним: О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке / под ред. С.Я. Козлова, П.И. Пучкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 159–304.
- Толстов С.П. Дмитрий Николаевич Анучин – этнограф // Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923) / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947а. С. 18–21.
- Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947б. № 4. С. 8–28.
- Толстов С.П. Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.
- Толстов С.П., Жданко Т.А. Пути развития и проблемы советской этнографии // Вопросы истории. 1964. № 7. С. 3–20.
- Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Никишенкова. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.
- Файнберг Л.А. Хозяйство и культура Таймырских нганасан (По материалам колхоза им. Шмидта Таймыр. нац. округа) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 47–60.

- Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 21–28.
- Шапалин Б.Ф. 10 лет работы Комиссии по проблемам Севера (1954–1964 гг.) // Промысловая фауна Крайнего Севера и ее использование. М.: Наука, 1967. С. 250–257. (Проблемы Севера. Вып. 11.)
- Шмелева М.Н. Некоторые вопросы полевого этнографического исследования современности (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 57–61.
- Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3. С. 43–51.
- Штернберг Л.Я. Д.Н. Анучин как этнограф (скончался 4 июня 1923 г.) (Речь в Академии истории материальной культуры в первую годовщину смерти Д.Н. Анучина) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 7–13.
- Этническое развитие народностей Севера в советский период / под ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1987.
- Этногенез народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980.
- Alymov S. Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. by R. Cvetkovski & A. Hofmeister. Budapest; New York: Central European University Press, 2014. P. 121–143.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the “Field” in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, No. 1. P. 31–74.
- Elfimov A. Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology // *Ethnographic Practice in the Present* / ed. by M. Melhuus, J.P. Mitchell, H. Wulff. New York; Oxford: Berghahn Books, 2012. P. 95–106.
- Funk D. Siberia, Anthropology in // *The International Encyclopedia of Anthropology* / ed. by Callan H. Wiley, 2018. P. 1–15.
- Marcus G.E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 95–117.
- Rawski K. A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2017. Vol. 6, No. 1. P. 109–132.
- Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research: Habilitationsschrift. Wien, 2001.
- Sirina A. A History of Siberian Ethnography // *The Siberian World* / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, 2023. P. 587–606.
- Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44, No. 1. P. 439–455.

References

- "Ne liubopytstva radi, a poznaniia dlia..." K 75-letiiu Iurii Borisovicha Simchenko ["Not for curiosity's sake, but for knowledge..." To the 75th anniversary of Yuri Borisovich Simchenko] (2011) / Ed. by N.A. Dubova, Iu.N. Kvashnin. Moscow: Staryi sad.
- Alekseeva T.I., Arutiunov M.G. (2004) Maksim Grigor'evich Levin: uchenyi, uchitel', chelovek [Maksim Grigorievich Levin: scientist, teacher, person]. In: *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi 20 veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 331–357.
- Alymov S. (2014) Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology. In: *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / Ed. by R. Cvetkovski, A. Hofmeister. Budapest–New York: Central European University Press, pp. 121–143.

- Alymov S.S. (2004) Dmitrii Nikolaevich Anuchin: "Estestvennaia istoriia cheloveka v obshirnom smysle etogo slova" [Dmitry Nikolaevich Anuchin: "Natural history of man in the broad sense of the word"]. In: *Vydaishchiesia otechestvennye etnologi i antropologi 20 veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 7–48.
- Alymov S.S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoi etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920s–1950s]. Moscow: IEA.
- Alymov S.S. (2007) Na puti k "drevnei istorii narodov SSSR": maloizvestnye stranitsy nauchnoi biografii S.P. Tolstova [On the way to the "ancient history of the peoples of the USSR": little-known pages of S.P. Tolstov's scientific biography]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 125–144.
- Alymov S.S. (2009) Kosmopolitizm, marrizm i prochie "grekhi": otechestvennye etnografy i arkhologii na rubezhe 1940-1950-kh godov [Cosmopolitanism, Marrism and other "sins": Russian ethnographers and archaeologists at the turn of the 1940s–1950s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (97), pp. 7–36.
- Alymov S.S. (2010) Nesluchainoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti "ot starogo k novomu" i obratno [Non-accidental village: Soviet ethnographers and collective farmers on the way "from old to new" and back]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (101), pp. 109–129.
- Alymov S.S. (2013) G.P. Snesev i polevoe izuchenie "religiozno-bytovykh perezhitkov" [G.P. Snesev and field study of "religious and everyday survivals"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 69–88.
- Alymov S.S. (2019) Ot redkollegii. Vypolnennye zadachi? (V kachestve predisloviia k publikatsii stat'i D.N. Anuchina "O zadachakh russkoi etnografii") [From the editorial board. Completed tasks? (As a preface to the publication of D.N. Anuchin's article "On the tasks of Russian ethnography")]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 5–10.
- Anuchin D.N. (2019) O zadachakh russkoi etnografii [1889 g.] [On the tasks of Russian ethnography [1889]]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 11–28.
- Arkhivy Rossiiskoi akademii nauk [ARAN]. F. 142. Op. 10. D. 257. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR o rabote za 1963 god i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1963 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 142. Op. 10. D. 593. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR za 1966 god i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1966 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 142. Op. 10. D. 828. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR za 1968 g. i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1968 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 2. Op. 6. D. 170. Protokoly (podpisnye) №№ 19–22 i stenogrammy (nepravlenye) zasedanii Prezidiuma Akademii nauk SSSR 1954 [Protocols (signed) No. 19–22 and transcripts (unedited) of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences 1954].

- ARAN. F. 2. Op. 6. D. 180. Protokoly i stenogrammy zasedanii prezidiuma Akademii nauk SSSR za 26.11.1954–10.12.1954 [Protocols and transcripts of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences for 26.11.1954–10.12.1954].
- ARAN. F. 142. Op. 1. D. 1124. Plan raboty sektora narodov Krainego Severa Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia AN SSSR na 1959–1965 gg., izmeneniia i dopolneniia k nemu [Work plan of the Far North Peoples Sector of the N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1959–1965, changes and additions to it].
- Arutiunian Iu.V. (1972) Sotsial'no-kul'turnye aspekty razvitiia i sblizheniia natsii v SSSR (programma, metodika i perspektivy issledovaniia) [Socio-cultural aspects of development and convergence of nations in the USSR (program, methodology and research prospects)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 3–19.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. (2017) The Concept of the "Field" in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective. *Sibirica*, vol. 16, no. 1, pp. 31–74.
- Bat'ianova E.P. (1996) Pamiati Marii Iakovlevny Zhornitskoi [In memory of Maria Yakovlevna Zhornitskaya]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 182–185.
- Bat'ianova E.P. (2017) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii i ee rol' v razvitii sovetskoj shkoly polevogo etnograficheskogo severovedeniia [Northern expedition of the Institute of Ethnography and its role in the development of the Soviet school of field ethnographic Northern studies]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [Field as life: To the 60th anniversary of the Northern expedition of the IEA RAS] / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 13–39.
- Bat'ianova E.P. (2022) Boris Osipovich Dolgikh i razvitie sovetskoj shkoly polevogo etnograficheskogo sibirevedeniia v 1950–1970-e gody [Boris Osipovich Dolgikh and the development of the Soviet school of field ethnographic Siberian studies in the 1950s–1970s]. In: *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremen do nashikh dnei* [Peoples of Siberia and the Far East from ancient times to the present day]. Krasnoarsk: Sib. feder. un-t, pp. 217–221.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1900–1962* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1900–1962] (1967) / Comp. by O.V. Bunakova, R.V. Kamenetskaia. Leningrad: Nauka.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1963–1975* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1963–1975] (2008) / Comp. by T.I. Shaskol'skaia, N.M. Sysoeva. St. Petersburg: MAE RAN.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1976–1985* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1976–1985] (2011) / Comp. by T.I. Shaskol'skaia, N.M. Sysoeva, E.V. Shepeleva. St. Petersburg: MAE RAN.
- Bromlei Iu.V., Tokarev S.A. (1988) Etnografiia [Ethnography]. In: *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Compendium of ethnographic concepts and terms. Issue 2: Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods]. Moscow: Nauka, pp. 21–41.
- Danileiko V.A. (2013) K voprosu istorii izucheniia p-ova Taimyr v 1920–30-kh gg. XX v [On the history of studying the Taimyr Peninsula in the 1920s–30s]. *Trudy Bratskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye problemy razvitiia regionov Sibiri*, vol. 1, pp. 185–194.
- Divisenko K.S., Viner B.E. (2021) Periodizatsiia sovetskoj i postsovetskoj etnologii na materialakh tematiки dissertatsii (1934–2016) [Periodization of Soviet and post-Soviet ethnology based on dissertation topics (1934–2016)]. *Mir Rossii*, no. 4 (30), pp. 156–187.
- Dolgikh B.O. (1964) Problemy etnografii i antropologii Arktiki [Problems of ethnography and anthropology of the Arctic]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 76–90.
- Dolgikh B.O., Fainberg L.A. (1960) Taimyrskie nganasany [Taimyr Nganasans]. In: *Sovremennoe khoziaistvo, kul'tura i byt malykh narodov Severa: Sbornik statei*. Trudy

- Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaia Novaia seriia Vol. 56 / Ed. by B.O. Dolgikh. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, pp. 9–62.
- Dolgikh B.O., Fainberg L.A. (2004) O polozhenii korennoogo naseleniia Avamskogo raiona Taimyrskogo natsional'nogo okruga [On the situation of the indigenous population of the Avam district of the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956–1958 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 185–203.
- Elfimov A. (2012) Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology. In: *Ethnographic Practice in the Present* / Ed. by M. Melhuus, J.P. Mitchell, H. Wulff. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 95–106.
- Etnicheskoe razvitiie narodnostei Severa v sovetskii period* [Ethnic development of the peoples of the North in the Soviet period] (1987) / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka.
- Etnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the peoples of the North] (1980) / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka.
- Fainberg L.A. (1959) Khoziaistvo i kul'tura Taimyrskikh nganasan (Po materialam kolkhoza im. Shmidta Taimyr. nats. okruga) [Economy and culture of the Taimyr Nganasans (Based on materials from the Schmidt collective farm of the Taimyr National District)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 47–60.
- Funk D. (2018) Siberia, Anthropology in. In: *The International Encyclopedia of Anthropology* / Ed. by H. Callan. Wiley, pp. 1–15.
- Golovnev A.V., Danilova E.N. (2021) Sovetskaia versiia etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. [Soviet version of ethno-expertise: memoranda of ethnographers-specialists in Northern studies of the 1950s-1990s]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (52), pp. 132–143.
- Gromov G. (1966) *Metodika etnograficheskikh ekspeditsii* [Methodology of ethnographic expeditions]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Gromyko M.M. (2015) Pamiati Iurii Borisovicha Strakacha [In memory of Yuri Borisovich Strakach]. *Traditsii i sovremennost'*, no. 16, pp. 156–160.
- Gupta A., Ferguson D. (2013) Distiplina i praktika: "pole" kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii [Discipline and practice: "field" as place, method and locality in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 3–44.
- Gurvich I.S. (1967) 10 let deiatel'nosti sektora Severa Instituta etnografii AN SSSR [10 years of activity of the North sector of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. In: *Promyslovaia fauna Krainego Severa i ee ispol'zovanie*. Moscow: Nauka, pp. 258–261.
- Gurvich I.S. (1968) Etnograficheskaiia deiatel'nost' M.G. Levina na Okhotskom poberezh'e v 1930–1932 gg. (K voprosu o metodike rannikh sovetskikh polevykh issledovaniia) [Ethnographic activity of M.G. Levin on the Okhotsk coast in 1930-1932 (On the methodology of early Soviet field research)]. In: *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii*. Moscow: Nauka, Issue 4, pp. 110–121.
- Gurvich I.S. (1971) Printsipy leninskoi natsional'noi politiki i primeneniie ikh na Krainem Severe [Principles of Lenin's national policy and their application in the Far North]. In: *Osushchestvleniie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 9–49.
- Gurvich I.S. (1990) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (study of material and spiritual culture)]. In: *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki*. Moscow, pp. 198–204.
- Interv'iu s Z.P. Sokolovoi na temu "Osnovnye metodicheskie problemy i opyt polevogo issledovaniia" [Interview with Z.P. Sokolova on "Main methodological problems and field research experience"] (2000) / Recorded by E.V. Mis'kova. In: *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Zoi Petrovny Sokolovoi* / Ed. by D.A. Funk, A.P. Zen'ko. Moscow: IEA RAN, pp. 36–48.

- Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia] (1961) / Ed. by M.G. Levin and L.P. Potapov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Kalmeneva E.A. (2018) Smena modelei osvoeniia Sovetskogo Severa v 1950-e gg.: sluchai Komissii po problemam Severa [Change of development models of the Soviet North in the 1950s: the case of the Commission on Northern Problems]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 181–200.
- Karlov V.V. (2017) Iurii Borisovich Simchenko: v pole i vne polia [Yuri Borisovich Simchenko: in the field and outside the field]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 61–68.
- Karlov V.V. (2022a) Poslevoennyi etap razvitiia otechestvennogo narodovedeniia i ego kontseptual'nye podkhody [Post-war stage of development of Russian ethnology and its conceptual approaches]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 68–78.
- Karlov V.V. (2022b) Iu.V. Bromlei i pozdnesovetskaia etnografiia [Yu.V. Bromley and late Soviet ethnography]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 79–90.
- Khorina V.V. (2016) Krasnoiarskii podotdel Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva (KORG) kak tsentr nauchnogo izucheniia Eniseiskoi gubernii [Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (KORG) as a center for scientific study of the Yenisei province]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (174), pp. 21–28.
- Koval'skii S.O., Basov A.S. (in press) Taimyrskie ekspeditsii moskovskikh etnografov vo vtoroi polovine XX v.: opyt istoricheskoi rekonstruktsii i kartografirovaniia [Taimyr expeditions of Moscow ethnographers in the second half of the 20th century: experience of historical reconstruction and mapping]. In: *Narody Severa. Gosudarstvo. Etnichnost' / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN.*
- Lebedev V., Lopulnko N., Simchenko Iu. (1974) Khoziaistvo, byt i kul'tura korennoho naseleniia Avamskoi tundry po materialam Taimyrskogo otriada Severnoi ekspeditsii [Economy, way of life and culture of the indigenous population of the Avam tundra based on materials from the Taimyr team of the Northern expedition]. In: *Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniiaakh (Itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1972 godu)*. Part 2. Moscow, pp. 32–41.
- Lebedev V.V. (1987) Izmeneniia v kul'ture narodov Obsko-Eniseiskogo Severa [Changes in the culture of the peoples of the Ob-Yenisei North]. *Rasy i narody: Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: Ezhegodnik*, no. 17, pp. 92–110.
- Lebedev V.V. (2006) Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turno-bytovogo razvitiia korennoho naseleniia Khatangskogo raiona Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Some issues of socio-economic and cultural development of the indigenous population of the Khatanga district of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1981–1984 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 262–280.
- Lebedev V.V. (2007a) O sovremennom polozenii korennoho naseleniia Khatangskogo raiona Taimyrskogo avtonomnogo okruga [On the current situation of the indigenous population of the Khatanga district of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 9–20.
- Lebedev V.V. (2007b) Nekotorye voprosy sovremennogo razvitiia korennoho naseleniia Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Some issues of modern development of the indigenous population of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 48–63.

- Lebedev V.V. (2007c) Sotsial'noe i etnicheskoe razvitiia korennogo naseleniia Novorybinskogo sel'soveta Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Social and ethnic development of the indigenous population of the Novorybinskiy village council of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 143–148.
- Levin M.G. (1961) Etnograficheskie i antropologicheskie materialy kak istoricheskii istochnik (K metodologii izucheniia istorii bespis'mennykh narodov) [Ethnographic and anthropological materials as a historical source (On the methodology of studying the history of non-literate peoples)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 20–28.
- Liubovtsev V.I., Simchenko Iu.B. (1968) *Tundra ne liubit slabykh* [Tundra doesn't like the weak]. Moscow: Mysl'.
- Lobacheva N. (1957) K iubileiu S.P. Tolstova [To the anniversary of S.P. Tolstov]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 164–166.
- Marcus G.E. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117.
- Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniia nganasan* [Mythological tales and historical legends of the Nganasans] (1976) / Recorded and prepared by B.O. Dolgikh. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.
- Nauchnyi arkhiv Instituta etnologii i antropologii RAN [Scientific archive of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. F. 142. Op. 2. D. 117. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1976 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1976. Volume 2].
- NA IEA RAN [Scientific archive of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. F. 142. Op. 2. D. 122. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1977 godu. Tom 1 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1977. Volume 1].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 39. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1959 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1959].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 40. Otchety o rabote otriadov Kompleksnoi ekspeditsii Instituta v 1959 godu (A–E). Tom 1 [Reports on the work of teams of the Complex expedition of the Institute in 1959 (A–E). Volume 1].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 47. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1960 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1960].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 53. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1961 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1961].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 59. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1962 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1962. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 133. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1978 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1978. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 177. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1986 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1986. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 183. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1987 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1987. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 47. Op. 5. D. 1753. Kompleksnaia ekspeditsiia. Eniseiskii otriad. Polevoi dnevnik V.I. Vasil'eva №2. 1959 [Complex expedition. Yenisei team. Field diary of V.I. Vasiliev No. 2. 1959].
- Narody Sovetskogo Severa (1960–1980-e gg.)* [Peoples of the Soviet North (1960s–1980s)] (1991) / Ed. by I.S. Gurvich, Z.P. Sokolova. Moscow: Nauka.
- Noviaia zhizn' narodov Severa* [New life of the peoples of the North] (1967) / Ed. by V.I. Vasil'ev, I.S. Gurvich, Iu.B. Simchenko. Moscow: Nauka.

- Obshchestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri: XVII – nachalo XX v.* [Social system of the peoples of Northern Siberia: 17th – early 20th century] (1970) / Ed. by I.S. Gurvich and B.O. Dolgikh. Moscow: Nauka.
- Obsuzhdenie statei M.N. Shmelevoi i S.I. Vainshteina o problemakh polevykh issledovaniy [Discussion of articles by M.N. Shmeleva and S.I. Vainshtein on problems of field research] (1985a) / G.V. Starovoitova et al. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 67–77.
- Obsuzhdenie statei M.N. Shmelevoi i S.I. Vainshteina o problemakh polevykh issledovaniy [Discussion of articles by M.N. Shmeleva and S.I. Vainshtein on problems of field research] (1985b) / V.R. Arsen'ev et al. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 57–69.
- Ocherki ekspeditsionnogo byta v Zakavkaz'e* [Essays on expedition life in Transcaucasia] (2001) / Ed. by V.I. Kozlov. Moscow: Saryi sad.
- Oktiabr'skaia I.V., Romanova E.N. (2020) Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniia narodov k konstruirovaniu etnichnosti [Northern Studies in the history of Russian ethnography: from describing peoples to constructing ethnicity]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (32), pp. 9–20.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From classics to Marxism: meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)] (2014) / Ed. by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. St. Petersburg: MAE RAN.
- Pivneva E.A. (2019) *Severovedenie v IEA RAN: po sledam I.S. Gurvicha i v nogu so vremenem* [Northern studies in IEA RAS: following I.S. Gurvich and keeping up with the times]. Yakutsk: Elektronnoe izdatel'stvo NB RS(Ia), pp. 25–33.
- Pivneva E.A. (2021) Sovetskoe etnograficheskoe severovedenie vtoroi poloviny XX v. v zerkale nauchnogo naslediiia Z.P. Sokolovoi (moskovskaia shkola) [Soviet ethnographic Northern studies of the second half of the 20th century in the mirror of Z.P. Sokolova's scientific heritage (Moscow school)]. *Vestnik ugrovedeniia*, no. 4 (11), pp. 780–788.
- Pivneva E.A. (2022) Etnografy i malochislennye narody Severa i Sibiri v kontekste sovetskoii etnonatsional'noi politiki [Ethnographers and small-numbered peoples of the North and Siberia in the context of Soviet ethno-national policy]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 90–157.
- Pluzhnikov N.V. (2007) Iazykovaia situatsiia v poselke Ust'-Avam Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Language situation in the village of Ust'-Avam of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 149–152.
- Potapov L. (1962) Etnograficheskoe izuchenie sotsialisticheskoi kul'tury i byta narodov SSSR [Ethnographic study of socialist culture and way of life of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 3–19.
- Rapoport Iu.A., Semenov Iu.I. (2004) Sergei Pavlovich Tolstov: vydaiushchiisia etnograf, arkhelog, organizator nauki [Sergei Pavlovich Tolstov: outstanding ethnographer, archaeologist, science organizer]. In: *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 184–232.
- Rawski K. (2017) A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, vol. 6, no. 1, pp. 109–132.
- Razmyshleniia o sud'bakh nauki [Reflections on the fate of science] (1996) / V.V. Karlov et al.; interviewed by A.L. El'fimov. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 3–24.
- Reshetov A.M. (2004) Boris Osipovich Dolgikh i leningradskie sibirevedy (k postanovke voprosa) [Boris Osipovich Dolgikh and Leningrad Siberian scholars (to the formulation of the question)]. In: *Etnosy Sibiri. Proshloe. Nastoiashchee. Budushchee* / Ed. by N.P. Makarov. Krasnoiar'sk: Krasnoiar'skii kraevoi kraevedcheskii muzei, Part 1, pp. 75–81.

- Savoskul S., Sokolova Z. (1995) Iurii Borisovich Simchenko [Yuri Borisovich Simchenko]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 163–168.
- Savoskul S.S. (2009) Etnograf Krasnoiarskogo muzeia – B.O. Dolgikh v 1937–1944 gg. [Ethnographer of the Krasnoyarsk Museum – B.O. Dolgikh in 1937–1944]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 100–118.
- Savvinov A.I. (2017) "Piat' let v Turukhanskom krae". Dolgany i iakuty v issledovaniiax P.E. Ostrovskikh ["Five years in the Turukhansk region". Dolgans and Yakuts in the research of P.E. Ostrovsky]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (20), pp. 43–52.
- Schweitzer P.P. (2001) *Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research*: Habilitationsschrift. Wien.
- Shapalin B.F. (1967) 10 let raboty Komissii po problemam Severa (1954–1964 gg.) [10 years of work of the Commission on Northern Problems (1954–1964)]. In: *Promyslovaia fauna Krainego Severa i ee ispol'zovanie*. Moscow: Nauka, pp. 250–257.
- Shmeleva M.N. (1985) Polevaia rabota i izuchenie sovremennosti [Field work and study of modernity]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 3, pp. 43–51.
- Shmeleva M.N. (1986) Nekotorye voprosy polevogo etnograficheskogo issledovaniia sovremennosti (otvet uchastnikam diskussii) [Some questions of field ethnographic research of modernity (response to discussion participants)]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 1, pp. 57–61.
- Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection] (1963), vol. V / Ed. by B.O. Dolgikh. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR.
- Simankova L.A. (2003) Uchenye-etnografy, rabotavshie na Taimyre v XX veke [Ethnographers who worked in Taimyr in the 20th century]. *Muzeinyi vestnik*. Dudinka: Izdat. dom "KP plius", Issue 3, pp. 4–40.
- Simchenko Iu.B. (1970) Osnovnye cherty sovremennykh etnicheskikh protsessov u korennoho naseleniia Avamskoi tundry Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Main features of modern ethnic processes among the indigenous population of the Avam tundra of the Taimyr National District]. In: *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* / Ed. by I.S. Gurvich, B.O. Dolgikh. Moscow: Nauka, pp. 164–178.
- Simchenko Iu.B. (1976) *Kul'tura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii: Etnograficheskaiia rekonstruktsiia* [Culture of reindeer hunters in Northern Eurasia: Ethnographic reconstruction]. Moscow: Nauka.
- Simchenko Iu.B. (2005) Sovremennoe khoziaistvo, byt i kul'tura avamskikh i taimyrskikh nganasan [Modern economy, way of life and culture of the Avam and Taimyr Nganasans]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1959–1962 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 273–298.
- Simchenko Iu.B. (2006) Nganasany i dolgany Volochanskogo sel'soveta Dudinskogo raiona Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Nganasans and Dolgans of the Volochansky village council of the Dudinka district of the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 229–252.
- Sirina A. (2023) A History of Siberian Ethnography. In: *The Siberian World* / Ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, pp. 587–606.
- Slezkine Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sokolovskii S.V. (2008) Rossiiskaia antropologiia: tsena samobytnosti [Russian anthropology: the price of identity]. In: *Etnometodologiia: problemy, podkhody, kontseptsii*. Moscow, Issue 13, pp. 32–62.
- Sokolovskii S. (2009) Rossiiskaia antropologiia: illiuziia blagopoluchiia [Russian anthropology: an illusion of well-being]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (63), pp. 45–64.
- Sokolovskii S. (2011) V tseitnote: zametki o sostoianii rossiiskoi antropologii [In time pressure: notes on the state of Russian anthropology]. *Laboratorium*, no. 2, pp. 70–89.

- Solovei T.D. (2022) *Istoriia rossiiskoi etnologii v ocherkakh, XVIII – nachalo XXI vv.* [History of Russian ethnology in essays, 18th - early 21st centuries]. Moscow: Etnosfera.
- Sredniiaia Sibir'* [Central Siberia] (1964) / Ed. by I.P. Gerasimov. Moscow: Nauka. (Prirodnye uslovia i estestvennye resursy SSSR).
- Sternberg L.Ia. (1926) D.N. Anuchin kak etnograf (skonchalsya 4 iunია 1923 g.) (Rech' v Akademii istorii material'noi kul'tury v pervuiu godovshchinu smerti D.N. Anuchina) [D.N. Anuchin as ethnographer (died June 4, 1923) (Speech at the Academy of History of Material Culture on the first anniversary of D.N. Anuchin's death)]. *Etnografiia*, no. 1–2, pp. 7–13.
- Suleimanov A.A. (2012) Ekspeditsii Akademii nauk SSSR na Aziatskii Sever v 30-e gg. XX v. [Expeditions of the USSR Academy of Sciences to the Asian North in the 1930s]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniia*, no. 2 (33), pp. 427–431.
- Suleimanov A.A. (2017) Materialy deiatel'nosti Komissii po problemam Severa kak istochnik po sotsial'no-ekonomicheskomu polozheniiu aborigennykh etnosov Sovetskoi Arktiki v 50-e gg. XX v. [Materials of the Commission on Northern Problems as a source on the socio-economic situation of aboriginal ethnic groups in the Soviet Arctic in the 1950s]. *Vestnik ugrovedeniia*, no. 3 (30), pp. 160–167.
- Tishkov V.A. (1992) Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet ethnography: overcoming the crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–20.
- Tokarev S.A. (1949) K postanovke problem etnogeneza [On the formulation of ethnogenesis problems]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 12–36.
- Tokarev S.A. (1958) *Etnografiia narodov SSSR: istoricheskie osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the peoples of the USSR: historical foundations of way of life and culture]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Tokarev S.A. (1995) Iz dnevnikov [From diaries]. In: *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim: O Sergee Aleksandroviche Tokareve – uchenom i cheloveke* / Ed. by S.Ia. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii, pp. 159–304.
- Tokarev S.A., Cheboksarov N.N. (1951) Metodologii etnogeneticheskikh issledovaniia na materiale etnografii v svete rabot I.V. Stalina po voprosam iazykoznaniiia [Methodology of ethnogenetic research based on ethnographic materials in light of I.V. Stalin's works on linguistics]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 7–26.
- Tolstov S.P. (1946) Etnografiia i sovremennost' [Ethnography and modernity]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 3–11.
- Tolstov S.P. (1947a) Dmitrii Nikolaevich Anuchin – etnograf [Dmitry Nikolaevich Anuchin – ethnographer]. In: *Pamiati D.N. Anuchina (1843–1923)* / Ed. by S.P. Tolstov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 18–21.
- Tolstov S.P. (1947b) Sovetskaia shkola v etnografii [Soviet school in ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 8–28.
- Tolstov S.P., Zhdanko T.A. (1964) Puti razvitiia i problemy sovetskoi etnografii [Development paths and problems of Soviet ethnography]. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 3–20.
- Tutorskii A.V. (2010) Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoi ekspeditsii kafedry etnografii MGU) [Methods of collection and ways of textualization of field material (on the example of the Northern expedition of the MSU Department of Ethnography)]. In: *Kafedre etnologii Istoricheskogo fakul'teta MGU – 70 let* / Ed. by A.A. Nikishenkov. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 273–293.
- Vainshtein S.I. (1985) Aktual'nye voprosy issledovaniia traditsionno-bytovykh kul'tur narodov SSSR [Current issues in the study of traditional everyday cultures of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 51–59.
- Vainshtein S.I. (1986) Eshche raz o polevom issledovanii traditsionnoi kul'tury (otvet uchastnikam diskussii) [Once again about field research of traditional culture (response to discussion participants)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 61–68.
- Vainshtein S.I. (1987) Istoricheskaiia etnografiia v strukture etnograficheskoi nauki [Historical ethnography in the structure of ethnographic science]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 77–82.

- Vainshtein S.I. (1988a) Istoricheskaya etnografiya [Historical ethnography]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 62–63.
- Vainshtein S.I. (1988b) Polevaya etnografiya [Field ethnography]. In: *Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 205–208.
- Vainshtein S.I. (1988c) Sravnitel'no-istoricheskii metod [Comparative-historical method]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 211–216.
- Vainshtein S.I. (1992) Boris Osipovich Dolgikh: dni i deianiia podvizhnicheskoi zhizni [Boris Osipovich Dolgikh: days and deeds of an ascetic life]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 119–129.
- Vainshtein S.I. (2002) Sud'ba Borisa Osipovicha Dolgikh — cheloveka, grazhdanina, uchenogo [The fate of Boris Osipovich Dolgikh — person, citizen, scientist]. In: *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers] / Comp. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaya literatura, Issue 1, pp. 284–307.
- Vainshtein S.I., Kriukov M.V. (1988) Sovetskaya etnograficheskaya shkola [Soviet ethnographic school]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 114–124.
- Vasil'ev V.I. (1962) Sistema olenevodstva lesnykh entsev i ee proiskhozhdenie [Reindeer herding system of the Forest Enets and its origin]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, Issue 37, pp. 67–75.
- Vasil'ev V.I. (1963) Lesnye entsy (oчерk istorii, khoziaistva i kul'tury) [Forest Enets (essay on history, economy and culture)]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, vol. V, pp. 33–70.
- Vasil'ev V.I. (1968) *Samodiiskoe naselenie nizov'ev Eniseia: Oчерki po etnicheskoi istorii, sovremennomu khoziaistvu i bytu* [Samoyedic population of the lower Yenisei: Essays on ethnic history, modern economy and way of life]. PhD thesis. Moscow.
- Vasil'ev V.I. (1970) Nentsy i entsy Taimyrskogo natsional'nogo okruga (oчерk khoziaistva, byta i etnicheskikh protsessov, protekaiushchikh na Eniseiskom Severe) [Nenets and Enets of the Taimyr National District (essay on economy, way of life and ethnic processes in the Yenisei North)]. In: *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* / Ed. by I.S. Gurchi and B.O. Dolgikh. Moscow, pp. 106–163.
- Vasil'ev V.I. (1976) Otkrytie samodiiskogo mira (istoriia odnogo nauchnogo poiska) [Discovery of the Samoyedic world (history of a scientific search)]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 145–156.
- Vasil'ev V.I. (1979a) Etnicheskie protsessy na nizhnem Enisee (K voprosu ob etnicheskoi samobytnosti sovremennykh entsev) [Ethnic processes on the lower Yenisei (On the question of ethnic identity of modern Enets)]. In: *Polevye issledovaniia Instituta etnografii* / Ed. by S.I. Vainshtein. 1977. Moscow: Nauka, pp. 55–62.
- Vasil'ev V.I. (1979b) *Problemy formirovaniia severosamodiiskikh narodnostei* [Problems of formation of Northern Samoyedic peoples]. Moscow: Nauka.
- Vasil'ev V.I. (1979c) Sovremennye etnicheskie protsessy v nizov'akh Eniseia [Modern ethnic processes in the lower Yenisei]. In: *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* (Moscow, 3–10 August 1964). Vol. 10. Moscow, pp. 340–345.
- Vasil'ev V.I. (1982) Nentsy i entsy [Nenets and Enets]. In: *Etnicheskaya istoriia narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North] / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 48–81.
- Vasil'ev V.I. (1985) Osobennosti razvitiia etnicheskikh i iazykovykh protsessov v etnokontaktnykh zonakh Evropeiskogo Severa i Severnoi Sibiri (po materialam etnograficheskogo obsledovaniia severosamodiiskikh narodov: nentsev, entsev i nganasan)

- [Features of the development of ethnic and linguistic processes in ethnocontact zones of the European North and Northern Siberia (based on ethnographic survey of Northern Samoyedic peoples: Nenets, Enets and Nganasans)]. In: *Etnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri i Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 65–93.
- Vasil'ev V.I. (2006) Sovremennoe khoziaistvo i byt korenного naseleniia nizov'ev Eniseia. Po materialam polevykh issledovaniu v Taimyrskom natsional'nom okruge [Modern economy and way of life of the indigenous population of the lower Yenisei. Based on field research in the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 119–133.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1963) Sovremennoe samodiiskoe naselenie Taimyra [Modern Samoyedic population of Taimyr]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 9–20.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1964) Boris Osipovich Dolgikh (K shestidesiatiletiu so dnia rozhdeniia) [Boris Osipovich Dolgikh (To the sixtieth anniversary of birth)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 6, pp. 151–153.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1971) Pereustroistvo khoziaistva, byta i kul'tury korenного naseleniia Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Reorganization of economy, way of life and culture of the indigenous population of the Taimyr National District]. In: *Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 245–275.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1976) Opyt ispol'zovaniia etnicheskikh traditsii v sovremennom khoziaistvennom stroitel'stve [Experience of using ethnic traditions in modern economic construction]. In: *Sotsialisticheskie preobrazovaniia zhizni narodov sovetskogo Severa i puti ikh dal'neishego razvitiia v svete reshenii XXV s"ezda KPSS* / Ed. by V.I. Fedorov. Yakutsk: In-t iaz., literatury i istorii, pp. 93–94.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (2006) Poezdka v Taimyrskii natsional'nyi okrug [Trip to the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 7–14.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B., Sokolova Z.P. (1966) Problemy rekonstruktsii byta malykh narodov Krainego Severa [Problems of reconstructing the way of life of small peoples of the Far North]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 9–22.
- Vasil'ev V.I., Tugolukov V.A. (1960) Etnograficheskie issledovaniia na Taimyre v 1959 godu [Ethnographic research in Taimyr in 1959]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 128–141.
- Vasil'eva E.K., Pimenov V.V., Khristoliubova L.S. (1970) Sovremennye etnokul'turnye protsessy v Udmurtii (Programma i metodika obsledovaniia) [Modern ethnocultural processes in Udmurtia (Survey program and methodology)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 57–70.
- Vitebsky P., Alekseyev A. (2015) Siberia. *Annual Review of Anthropology*, vol. 44, no. 1, pp. 439–455.
- Vladimir Ivanovich Vasil'ev (20.04.1936–21.10.1993) (1994). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 156–159.
- Voprosniki i programmy po etnoarkheologii i etnografii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Questionnaires and programs on ethnoarchaeology and ethnography: teaching aid] (2002) / Ed. by S.F. Tataurov. Omsk: OmGU.
- Vorob'ev N.I. (1951) Programma dlia sbora materialov po izucheniiu sovremennogo byta kolkhoznoi derevni i istorii ego formirovaniia u narodnostei Srednego Povolzh'ia [Program for collecting materials on the study of modern life in the collective farm village and the history of its formation among the peoples of the Middle Volga region]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 180–198.
- Zhdanko T.A. (1997) Etnograficheskie issledovaniia i etnografy Khorezmskoi ekspeditsii [Ethnographic research and ethnographers of the Khorezm expedition]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 70–85.
- Zhornitskaia M.Ia. (2006) Nekotorye voprosy sovremennogo polozheniia korenного naseleniia Taimyrskogo avtonomного okruga [Some questions of the current situation of the

- indigenous population of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaya ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 373–379.
- Zibarev V.A. (1976) Komitet sodeistviia narodnostiam Severa [Committee for Assistance to the Peoples of the North]. *Voprosy istorii*, no. 8, p. 213.
- Zoia Petrovna Sokolova: o vremeni i o sebe [Zoya Petrovna Sokolova: about time and about herself] (2000) / Interview recorded and prepared for publication by V.I. Kharitonova. In: *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Zoi Petrovny Sokolovoi* / Ed. by D.A. Funk, A.P. Zen'ko. Moscow: IEA RAN, pp. 12–35.

Сведения об авторах:

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

БАСОВ Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sviatoslav O. Kovalskii, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

Aleksandr S. Basov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 ноября 2024 г.;
принята к публикации 15 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 11.11.2024;
accepted for publication 15.12.2024.*